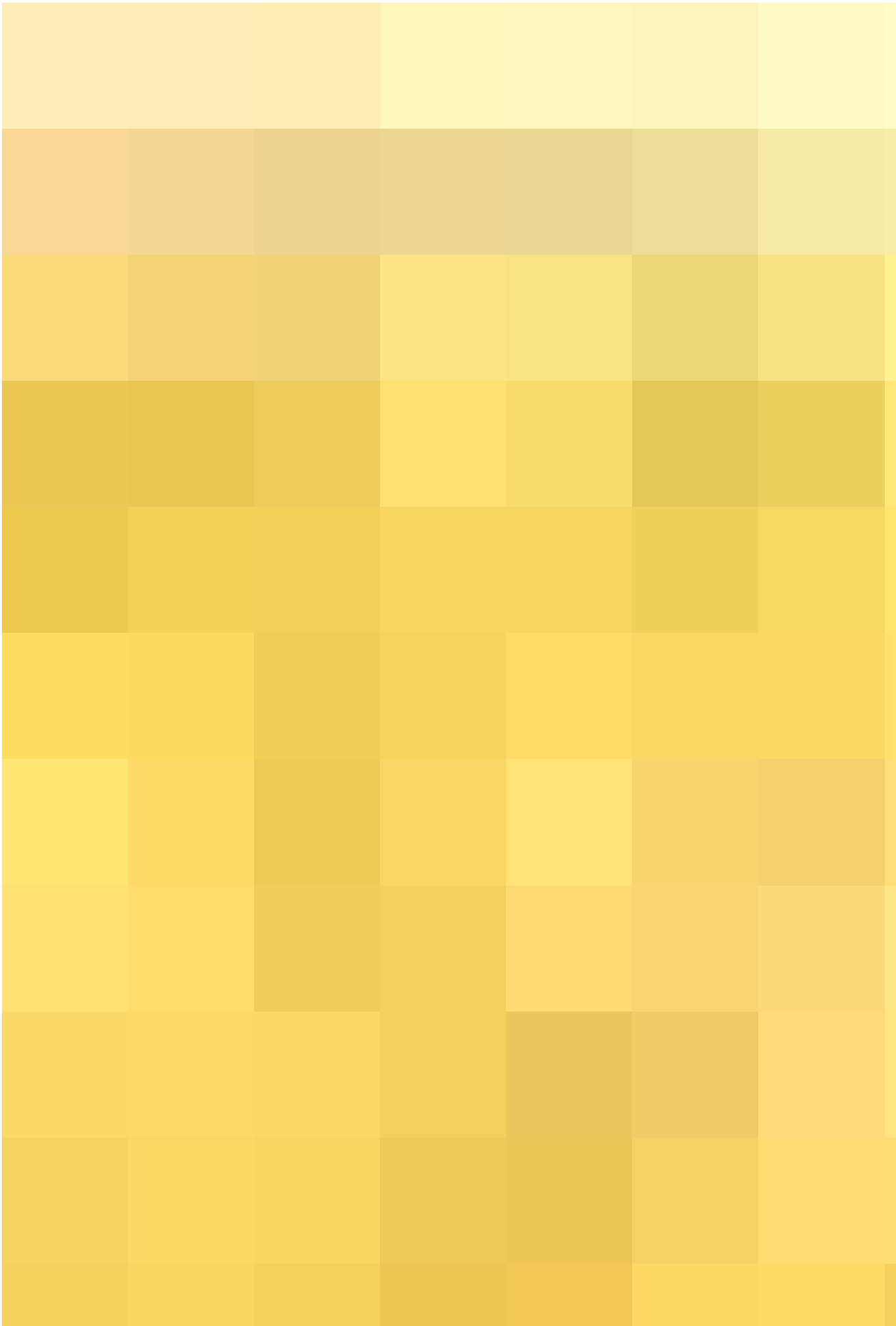

Валерий Евгеньевич Шамбаров
Петр и Мазепа. Битва за Украину
Серия «Русская история»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10399670
Шамбаров В.Е. Петр и Мазепа. Битва за Украину: Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906798-36-7

Аннотация

Когда говорят о свершениях Петра Великого, обычно подразумевают прорыв России к Балтике. Но было и другое – битва за Украину. Она вызревала давно и переплелась с Северной войной. Это была битва за народ, за его душу и сознание. Куда и с кем идти? С Мазепой и силами, стоявшими за ним? Или с Россией? В XVIII в. выбор был сделан выразительный и однозначный. К сожалению, сейчас это усиленно затирается и перевирается.

Содержание

1. Пролог: «украинский вопрос»	5
2. Измены и изменники	10
3. Кое-что о чужебесии	14
4. Кто и как использовал стрельцов	20
5. Дела европейские	26
6. Время перестроек	34
7. Под опекой патриарха и матери	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Валерий Евгеньевич Шамбаров

Петр и Мазепа. Битва за Украину

© Шамбаров В.Е., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

1. Пролог: «украинский вопрос»

Для начала давайте уточним терминологию. Дело в том, что слово «украина» в разные времена имело совершенно разные значения. Впервые оно вошло в обиход в XII в. и понималось только в прямом смысле – «окраина». Так называли земли, примыкавшие к половецкой степи. А население нынешней Украины и России осознавало себя одним народом и называло «русскими». Хотя со временем между различными городами и областями пролегли политические границы. Киевская и Владимирская Русь распались на уделы, их захлестнуло и раздавило ордынское нашествие.

Но центров «собираения» русских земель обозначилось два. Одним стала Москва. Другим – Литва, объединившаяся с Польшей. Причем две возникшие державы оказались совершенно непохожими друг на друга. Московская Русь строилась на фундаменте Православия. А после гибели Византии она возвысилась как мировой центр православия, провозгласила строительство третьего Рима. Политической основой в Московском государстве являлась сильная централизованная власть, но она тоже опиралась на православие. Власть давалась государю от Бога для защиты веры и всех подданных. Однако и подданные обязаны были беспрекословно повиноваться ему.

Во главу угла ставилась «правда» – справедливость, соответствие христианским канонам. При Иване Грозном была сформирована оригинальная и весьма устойчивая система, земская монархия. Она отнюдь не соответствовала западному абсолютизму. Жесткая «вертикаль власти» сочеталась с широкой демократией на всех «горизонтах». В уездах, городах, волостях «мир» выбирал органы земского самоуправления, обладавшие очень солидными полномочиями. А царь при этом действительно стремился быть «батюшкой» для всех подданных. Любой человек вплоть до последнего нищего мог обратиться к нему напрямую.

Этот порядок действовал несколько столетий, развивался. При Алексее Михайловиче во дворце было даже устроено специальное «челобитное окно», всякий обиженный мог принести туда жалобу. Их читал сам царь или его доверенные лица, принимались надлежащие меры. Также был создан особый приказ тайных дел: проверять исполнение распоряжений государя, контролировать бояр, чтобы не зарывались и не притесняли народ. Факты показывают: социальная защищенность в нашей стране оказывалась гораздо выше, чем в тогдашней Европе. Каждый воевода обязан был периодически давать отчет о своем правлении. За злоупотребления должностные лица слетали со своих постов, отправлялись в Сибирь или в тюрьму.

Западные державы пошли по иному пути – расширения «свобод». Русские порядки высмеивали как «рабство». Но, опять же, не надо обманываться в терминах. В Средние века и в эпоху Возрождения западные «свободы» относились далеко не ко всем гражданам, а только к узкой верхушке общества. Аристократам, толстосумам, сановникам. Существовали для тех, кто реально мог обеспечить собственные права. На чернь «свободы» не распространялись, она была вне общества, вне морали. Для власть имущих простонародье становилось всего лишь расходным материалом, источником средств для «красивой» жизни.

Польша и Литва, объединившиеся в аристократическую республику – Речь Посполитую, в данном отношении лидировали. Здешние паны добились таких свобод, что шире уже некуда. Сами выбирали королей, диктовали им условия, вымогали пожалования, определяли законы. Но для народа это обернулось дичайшим произволом. Крепостной гнет был самым суровым, а поборы – самыми высокими в Европе! Крестьяне оказывались в полной власти землевладельцев. Современники упрекали помещиков, что они «мучат, уродуют и убивают без всякого суда своих людей». Папский нунций Руггиери отмечал, что паны, «казня кре-

стыян ни за что, остаются свободны от всякой кары... можно смело сказать, что в целом свете нет невольника более несчастного, чем польский кмет».

Мало того, Польша стала плацдармом воинствующего католицизма. Несколько раз поднимались гонения на православную веру. И тут-то слово «украина» приобрело особую окраску. Впрочем, его значение не менялось – «окраина». В географических описаниях отмечали «Московские украины» – к ним относили Рязанщину, Тамбовщину, Северщину. Писали и про «Сибирскую Украину». А Поднепровье и Левобережье Днепра называли «Польской Украиной». Эти земли соседствовали с владениями Крымского ханства, жизнь здесь была опасной из-за постоянных набегов. Но свободной земли сколько угодно, и панского гнета не было. Люди из внутренних областей Польши и Литвы уходили сюда. Сложилась каста казаков – вольных воинов, прикрывавших границу. Некоторые аристократы стали организовывать казаков: Вишневецкие, Острожские, Ляндскородские, Ружинские. С их помощью отвоевывали собственные владения.

Но местные жители по-прежнему именовали себя «русскими». Львовщину в составе Польши официально называли «Русским воеводством». А Православие обозначали «русской верой». Кровное и духовное родство с Москвой особенно ярко проявлялось во время войн. В правление Ивана III, Василия III, Ивана Грозного Польша и Литва неоднократно сталкивались с Россией, и каждый раз наблюдалось одно и то же. Православные крестьяне встречали царских ратников как освободителей. Многие города добровольно переходили на сторону московских государей. А когда в середине XVI в. возникла Запорожская Сечь, она сперва стала служить Ивану Грозному, признавала его «своим» царем.

В Риме оценили опасную тенденцию. С 1560-х гг. координацией операций против России занялась первая в мире профессиональная спецслужба, орден иезуитов. Для удара на русских польскому королю Стефану Баторию оказали колоссальную финансовую, техническую помощь, помогли заключить союз со Швецией. Высокопоставленный иерарх и один из лучших специалистов иезуитов Антонио Посевино сам ездил к Ивану Грозному, пытался склонить его принять унию, подчинить церковь Ватикану. В 1582 г. он вернулся в Рим и представил папе Григорию XIII предложения на будущее.

Озабоченно доносил, что на Львовщине, в Подолии, на Волыни, в Литве «многие жители упорно держатся греческой веры, хотя имеют господ католиков», и во время войны молятся за московского государя, сочувствуют ему. Отсюда вытекала задача – для торжества католицизма необходимо в первую очередь оторвать от России и от Православия Украину. Выполнять ее начали сразу же. Баторий отобрал собственность у православной церкви в Полоцкой области, передал иезуитам. Во Львове организовали как бы «стихийный» захват. Накануне Рождества в 1584 г. католики с оружием ворвались в православные церкви и монастыри, выгнали священников и монахов.

Следующий польский король – Сигизмунд III вообще стал марионеткой Рима. Главным советником при нем стал иезуит Скарга. А Посевино пристроился духовником королевы! Операцию по внедрению унии они организовали хитро. Среди украинского духовенства была раздута скандальная кампания об «исправлении нравов». Выискивали компромат на священников. Под обвинения попал Киевский митрополит Оницифор Девочка, он оказался двоеженцем. А Луцкого епископа Кирилла Тарлецкого привлекли к суду за насилие над девушкой. В 1589 г. через Киев проезжал Константинопольский патриарх Иеремия. Ему выложили жалобы, агентура иезуитов постаралась подтасовать их нужным образом. Вместо Оницифора Девочки патриарх поставил митрополитом бесцветного и безвольного Михаила Рагозу. Но другой замаранный иерарх, Тарлецкий, дал согласие сотрудничать с иезуитами. Судебное дело замяли, и его кандидатуру рекомендовали Иеремии в самых радужных красках, его поставили экзархом (наместником) Киевского митрополита.

Кроме того, по польским законам, короли имели право назначать епископов. В 1593 г. Сигизмунд III, невзирая на протесты духовенства, поставил Луцким епископом бывшего литовского сенатора Поцея. Это был проходимец, успевший побывать в нескольких протестантских сектах. Он разорился, влез в долги, а потом принял православный постриг с именем Ипатия. Поцей и Тарлецкий обработали Рагозу, уговорили подписать «грамоту об унии» и повезли в Рим. Об этом узнали православные, забушевали. Ну а король в 1596 г. созвал в Бресте Духовный собор – якобы для разбирательства, кто прав, а кто нет.

Делегатов постарались подобрать сторонники унии, при организации собора верховодил Скарга. Православных не слушали, глушили криками или выгоняли с заседаний. В результате собор разделился. Одна часть во главе с Рагозой и Поцеем приняла унию. Другая предала униатов анафеме. Но верховным-то арбитром оказался король! Ему представили оба решения, и нетрудно догадаться, какое он утвердил. А уж дальше, опираясь на постановления «собора», на Православие обрушились погромы храмов, захваты имущества. Доходило до того, что луцкий староста Симашко ввел особый налог на посещение церквей православными, а в Страстную субботу и Св. Воскресенье устроил в притворе храма танцы, приказывал гайдукам стрелять в иконы. В ответ вспыхнули восстания...

Но режиссеры коварных замыслов действовали по разным каналам. Главной опорой Православия в Польше и Литве была часть панов и шляхты. Это тоже входило в число «свобод». Если благородный пан хочет быть православным, почему бы и нет? Но иезуиты начали обрабатывать детей тех же Острожских, Вишневецких, Ляндскоронских. Они окатоличивались, ополячивались, превращались в более ярких врагов родной веры и народа, чем настоящие поляки. Соблазняли и казаков. Дурили им головы обещаниями, что уравниют в правах со шляхтой, т. е. с дворянством.

В начале XVII в. польское правительство и орден иезуитов сумели осуществить грандиозную диверсию, запустив в Россию Лжедмитриев и обрушив нашу страну в хаос Смуты. Разыгравшуюся трагедию использовали и для раскола двух ветвей русского народа. Паны и всякого рода авантюристы набирали отряды казаков, просто добровольцев, вели их на Русь пограбить. Одни погибали, но другие привозили сказочную добычу, и в походы выступали новые банды. Запорожский гетман Сагайдачный дважды приводил войска казаков, жег порубежные города России, спас наследника престола Владислава, попавшего в трудное положение.

Польская пропаганда поддерживала такие настроения. Внушала, что права и свободы можно заслужить! Главное – доблестно воевать за короля, быть верным ему. Ну а вопрос о вере можно решить вполне легитимно на заседаниях сейма. Это выглядело логичным. Если хорошо служить Польше, неужели не оценят? Неужели не отблагодарят? После русской Смуты казаки Сагайдачного храбро дрались и на другой войне, спасли страну от турецкого нашествия.

Но обещания оказались ложью. Едва отпала необходимость в казачьем ополчении, паны предпочли забыть о сладких посулах. Православных взялись притеснять так крепко, что Перемышльский епископ Исая Копинский даже направил своих представителей к царю Михаилу Федоровичу, просил разрешения ему и монахам подчиненных монастырей переехать в Россию. А казачьи структуры в Польше наметили вообще ликвидировать. Магнаты, чьи отцы и деды казачьими саблями отвоевали земли на Украине, больше не нуждались в них. Они теперь налаживали хозяйство, выжимали прибыли.

А казаки оставались очагом вольнолюбивых настроений, защитниками православия. Было объявлено, что казаки – это лишь 6 тыс. выделенных в «реестр». Остальные не имеют права называться казаками, должны быть простыми «хлопами». То есть крепостными. Даже гетман Сагайдачный, надеявшийся на «доброе» короля, начал понимать, что натворил не то. Он стал первым из украинских предводителей, кто тайно отправил послов к царю, предлагая

договориться о переходе в российское подданство. Но в Москве помнили его походы на нашу страну, не доверяли.

Однако непомерный гнет прорывался мятежами. В 1625 г. поднялись казаки и крестьяне под предводительством Жмайла. В 1630 г. последовало восстание Тараса Трясило. В 1635–1638 гг. всю Украину перевернула цепь восстаний под предводительством Сулимы, Павлюка, Остряницы, Полторакожуха. Подавляли их со страшной жестокостью. Истребляли подчистую население мятежных городов и сел. Предводителей подвергали жутким казням. Варшавские господа и дамы приходили полюбоваться, как их вешают на крюках под ребро, ломают кости на колесе, жарят живо в медном быке.

Многие участники восстаний и мирные жители уходили от этих ужасов в Россию. Беженцев селили в окрестностях Харькова, Сум, Изюма, Чугуева, Острогжска – эти края принадлежали не Польше, а московскому царю. Так возникла еще одна «украина» – Слободская. Она получила свое название из-за того, что переселенцы жили в слободах, т. е. освобождались от налогов. За это они несли службу по охране границы, получали жалованье от казны. А подчинялись они Белгородскому воеводе.

Ну а для Украины после усмирения восстаний сейм принял «Ординацию» – чрезвычайные законы. Там размещались польские войска, все административные должности передавались польским чиновникам. Любые нарушения карались смертью, а Запорожскую Сечь разогнали. Народ был затерроризирован, протестовать уже не осмеливался. Зато паны сочли, что теперь им позволено все. Правда, они не любили заниматься хозяйством – предпочитали не зарабатывать деньги, а тратить на пиры, балы. Имения сдавали в аренду евреям. Те выкачивали прибыли гораздо эффективнее, чем сами поляки. Ради издевки евреям передавали и православные церкви. Они сами решали, когда и за какую мзду разрешить службу.

Народное возмущение копилось 10 лет, но и взрыв был страшным – восстание Богдана Хмельницкого. В 1648 г. взяли за оружие казаки, к ним примыкали толпы крестьян, горожан. Хмельницкий оказался талантливым военным, организатором, дипломатом. Он раз за разом громил польские войска. В поддержавших его областях установил новую систему управления, разделил их на 16 полков, а полки на сотни. Это были не только воинские, но и административные единицы. Возглавляли их полковники и сотники, а на войну выставляли, соответственно, полк или сотню. Хмельницкий сумел заключить союз с Крымским ханом. А главное, в самом начале восстания он обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбами о помощи и принятии Украины в подданство.

В Москве его обращения восприняли поначалу осторожно. Ведь согласие означало масштабную войну. Рисковать жизнями подданных следовало обдуманно и оправданно, а не наобум. В царском правительстве знали, что восстания на Украине бывают часто. Но их подавляли раньше, чем их успевали поддержать. Алексей Михайлович сперва воздержался от вступления в войну. Но помощь начал оказывать немедленно. Поставлял оружие, боеприпасы, продовольствие, посылал деньги. К Хмельницкому были направлены отряды донских казаков – неофициально, как бы по собственной инициативе. А российские дипломаты оказывали серьезное давление на польское правительство. Настойчиво предупреждали, что не бросят в беде единоверцев, требовали найти компромисс для примирения.

Однако любые компромиссы оказывались временными. Король Ян Казимир и паны соглашались на уступки повстанцам только для того, чтобы изготавиться к новым ударам. А Украина истекала кровью. Ее союзники татары оказывались слишком коварными. В сражениях обращались в бегство. Зато по пути подчистую разоряли села, угоня в рабство десятки тысяч людей. Победы Хмельницкого сменились поражениями. Ему навязывали все более тяжелые условия перемирий, да и их сразу нарушали.

А миролюбие Алексея Михайловича паны расценили по-своему. Утверждались в мысли, что русские только пугают, а воевать не осмелятся. В 1653 г. польский сейм при-

нял официальное постановление о геноциде. Рассуждали: православное население Украины представляет для Речи Посполитой угрозу вечных бунтов, поэтому требуется полностью уничтожить его. Русские дипломаты доносили: «А на сейме ж приговорили и в конституции напечатали, что казаков как мочно всех снести». Королевские войска начали наступление, поголовно истребляя жителей.

Но теперь Россия вступилась. На погибель братьев не оставила. 1 октября, в Москве открылся Земский Собор – высший орган, в нем заседали представители разных сословий и уездов. Делегатов опрашивали «по чинам порознь», но мнение оказалось единогласным. «Против польского короля войну вести» и принять повстанцев «под государеву руку». Кстати, при этом вышел казус с терминологией. Кого принимать? Украину? Нет, такого обозначения страны еще не существовало. Повстанцы провозглашали себя «русскими». А Богдан Хмельницкий формально занимал только один пост. Перед восстанием запорожцы выбрали его своим гетманом, т. е. главнокомандующим. Но и жители Украины, присоединяясь к его отрядам, объявляли себя казаками. Поэтому в постановлении Земского Собора говорилось: принять под государеву руку «гетмана Богдана Хмельницкого и все Войско Запорожское с городами и с землями».

Позже придумали другое обозначение, Малороссия. Ну а пока к Хмельницкому отправилось посольство боярина Бутурлина. Украинцы смотрели на бодро марширующих стрельцов, на гарцующую русскую конницу, рыдали от счастья. В Переяславле была назначена рада – общий совет восставших земель. Сюда собрались делегации различных городов и полков. Запорожская Сечь провела войсковой круг и проголосовала за воссоединение с Россией, 3 января прислала решение: «Даемо нашу вийсковую вам пораду».

8 (18) января 1654 г. открылась Переяславская рада. На главной площади Хмельницкий обратился к делегатам. Перечислил государства, с которыми могла бы пойти Украина: Польша, Турция, Крым, Россия. Пояснил: «Царь турецкий – басурманин... Крымский хан – тоже басурманин... Об утеснениях от польских панов не надобно вам и сказывать... А православный царь одного с нами греческого благочестия... Кроме его царской руки мы не найдем благоуспокойнейшего пристанища».

Выслушав вожда, «весь народ возопил: волим под царя восточного, православного». Рада приняла постановление, «чтоб есми во веки всем единою быть». Русские послы огласили царский указ о принятии в подданство, зачитали текст присяги – «быти им з землями и з городами под государевой высокою рукою навеки неотступно». Простонародье присягало на площади, руководство в храме Успения Пресвятой Богородицы. При этом «было в церкви всенародное множество мужского и женского полу и от многия радости плакали».

Алексей Михайлович даровал Украине полную автономию, она сохраняла свои законы и обычаи, «права и вольности», сама выбирала правителей, гетмана и старшин, получила даже право внешних сношений. На Украине не размещались царские войска, в ее внутренние дела запрещалось вмешиваться российским сановникам, она сама собирала налоги, содержала свои воинские контингенты. После Переяславской рады дворяне Бутурлина разъехались, принимали присягу по разным городам. «Летопись самовидца» рассказывала: «Присягу учинили гетман, старшина и чернь в Переяславле и во всех городах охотно с надеждою тихомирна и всякого добра».

2. Измены и изменники

В кинофильмах, художественных романах, учебниках истории сюжет о воссоединении Украины с Россией обычно завершается Переяславской радой. На самом деле рада ничего не завершила. Наоборот, она положила начало жесточайшим войнам, которым суждено было продлиться аж 27 лет. Речь Посполитая была отнюдь не слабой державой. Она охватывала Польшу, Литву, Пруссию, Белоруссию, Западную Россию – и ту же Украину. Поляки три столетия спорили с Москвой о первенстве в Восточной Европе. Еще в начале XVII в. паны сидели в Кремле и бахвалились, что с нашей страной покончено.

Теперь государевы рати вместе с казаками Хмельницкого взялись громить их. Однако русским не позволили разделаться с давними врагами. Помогать полякам начали Рим, Германская империя. Поступало щедрое финансирование. Вербовались контингенты немецких наемников, вместо растрепанных полчищ формировались новые. Кроме того, вмешалась Швеция, решила воспользоваться плодами русских побед. На стороне Польши выступило Крымское ханство – а оно являлось вассалом огромной и грозной Османской империи.

Но и Россия в середине XVII в. находилась на вершине своего могущества. В правление Михаила Федоровича и Алексея Михайловича в стране бурно развернулась промышленная революция. Бояре, купцы, предприимчивые крестьяне, даже царь и царица строили ткацкие и прядильные мануфактуры, мастерские. В Москве расширялся Пушечный двор – по тем временам очень крупное предприятие. Открылись два стекольных завода, две бумажные фабрики. Множились судоверфи, соляные варницы, разрабатывались рудники.

Московское правительство не гнушалось лучшим опытом иностранцев. Голландцам Марселису и Виниусу разрешили построить металлургические заводы в Туле. Дело пошло так успешно, что им позволили основать заводы на Ваге, Шексне, в Костроме. Но русские и сами были прекрасными хозяевами. Технологии Марселиса и Виниуса переняли отечественные производители. Металлургические заводы строили боярин Морозов, Милославские, Одоевские, Строгановы. «Допетровскую» Россию бездоказательно называли «отсталой», а между тем, она торговала не только мехами и воском. При Алексее Михайловиче она уже поставляла на экспорт пушки. До 800 орудий в год! Поставляла «за море», в «передовую» Европу.

Промышленное развитие позволяло России формировать большую и прекрасно оснащенную армию. Представление о том, будто регулярные войска в нашей стране создавал Петр, – еще одна легенда. Первые профессиональные полки за полтора столетия до него учредил Иван Грозный, это стрелецкие части. Для своего времени они были передовыми, сыграли огромную роль в победах нашей страны. Но в XVII в. западная военная наука сделала значительный шаг вперед. Выделилась шведская армия – в ней создавались постоянные полки, две трети солдат были мушкетерами, одна треть пикинерами – прикрывали стрелков от ударов конницы. Появились части кавалерии, вооруженной карабинами – драгуны. Эта армия одолевала всех врагов, в Тридцатилетней войне перемесила половину Европы.

Но и Россия не осталась в стороне от новшеств. С 1630 г. по указу царя Михаила Федоровича и его отца патриарха Филарета развернулось формирование полков нового или «иноземного строя» – по образцу шведских. Появились солдатские, драгунские, рейтарские части. Их размещали на границе. Воинов селили деревнями и слободами, платили жалованье. Проводилось их регулярное обучение, они несли пограничную службу. Но в свободное время могли заниматься хлебопашеством, ремеслами, торговлей.

В период войн за Украину количество таких полков возросло до 75–42 солдатских, 8 драгунских, 22 рейтарских, 2 полка копейщиков и 1 гусарский, общей численностью 54,5 тыс. воинов. У всех частей было единообразное вооружение, имелась уже и форма.

Военнослужащие полков «нового строя» носили «немецкие» кафтаны (точнее, покроем оставался русским, но они были короче стрелецких, до колена). Форма разных полков и родов войск отличалась по цвету, а воинские чины определялись нагрудной шнуровкой на кафтанах. Появились два «выборных» т. е. гвардейских полка – их называли по фамилиям командиров, Кравкова и Шепелева.

Русскую артиллерию исследователи признают лучшей в мире, началось серийное производство ручных гранат. Уже существовали генеральские и офицерские чины – полковники, полуполковники, ротмистры, капитаны, поручики, прапорщики. Хотя наряду с «новым строем» сохранялись стрелецкие полки. Но и их обучали по новейшим уставам и наставлениям, экипировали современными мушкетами.

Эти войска измочалили поляков, отбили Смоленск, брали Вильно и Минск. Отлупили и шведов. Заняли восточную Прибалтику. Челны донских казаков выходили в Финский залив, возле будущего Кронштадта разгромили шведскую эскадру. Доставалось и крымцам. Их вторжения на Украину оборачивались немалыми потерями.

К сожалению, ход войны определялся не только сражениями. В изрядной мере он определялся изменами. Дело в том, что отношение самих жителей Украины к переходу под руку русского государя стало неоднозначным. Простонародье власть царя в полной мере устраивала. Но в ходе борьбы за освобождение выдвинулись начальники, старшины. Они захватили замки польских магнатов, прибрали к рукам их земли. И им-то хотелось жить совсем не так, как русская знать, обязанная во всем повиноваться царю, от юности и до старости числившаяся на службе.

Хотелось стать такими же, как польские паны! Быть полновластными царьками в собственных владениях, вытворять что вздумается. Сладко проводить время на балах, охотах, заседать в сенатах и сеймах, принимать законы, выгодные для них самих. Но для этого следовало вернуться в состав Польши – если она пойдет на уступки, если допустит казачьих начальников в круг аристократов, уравниет в правах с панами. Что ж, правительство Речи Посполитой и орден иезуитов знали о таких настроениях, умело играли на них.

В 1657 г. Богдан Хмельницкий разболелся и умер. В борьбе за власть схлестнулись две партии. «Народную» возглавлял полтавский полковник Мартын Пушкарь. «Шляхетскую» – Иван Выговский. Он был поляком, мелким шляхтичем, под Корсунем попал в плен к Хмельницкому, но перешел к нему на службу. Втерся в доверие, женился на его дочери, занял пост генерального писаря – начальника штаба. Старшины протолкнули на пост гетмана Выговского. Пушкаря он обвинил в измене и убил. А с поляками в 1658 г. подписал тайный Гадячский договор. Возвращал Украину под власть короля Яна Казимира.

Выговский призвал на помощь и крымского хана. На речке Сосновке заманил в ловушку русский конный корпус Семена Пожарского, 20 тыс. человек были истреблены. Выговский заранее договорился с ханом не брать пленных – пускай между украинцами и «москалями» ляжет кровная вражда. Но далеко не все жители Малороссии поддерживали предателя. Население Киева присоединилось к русским, отразило гетмана и татар. Отряды казаков стали уходить к царским воеводам. А когда на Украину вступила армия Григория Ромодановского, большинство городов встречало ее с радостью. Открывали ворота, выдавали или побивали сторонников Выговского. К Ромодановскому присоединились все полки Левобережья Днепра.

Изменник сбежал в Польшу, но оказался там никому не нужен. Он пробовал сноситься с царем, чтобы снова вернуться в его подданство, но поляки перехватили письма и казнили его. В октябре 1659 г. в Переяславле была созвана еще одна рада. Она избрала гетманом сына покойного вождя, Юрия Хмельницкого. Малороссия заново принесла присягу царю. Но «вольности», дарованные ей, были после случившегося немного ограничены. В московском правительстве было создано специальное учреждение для контроля за здешним краем

– Малороссийский приказ. В пяти крупнейших городах должны были находиться русские воеводы с гарнизонами. Впрочем, гарнизоны у них были маленькие и полномочия небольшие. Вмешиваться в местное самоуправление они не имели права. Разве что присматривали.

Увы, это не помогло. Юрий Хмельницкий не шел ни в какое сравнение со славным отцом, в народе его презрительно прозвали «Юрась-небожчик». Он изменил так же легко, как Выговский. Поляки щедро посулили, поманили, и в разгар сражений Юрий перекинулся на сторону врага. В результате под Любартом была окружена и погибла еще одна русская армия Василия Шереметева. Хотя события пошли по прежнему сценарию. Предателю отказались повиноваться Левобережье Днепра, Киев, Запорожская Сечь. Хмельницкий с поляками и татарами напал на них. На помощь пришло войско Ромодановского, прижало Юрия к Днепру и разгромило в пух и прах. Юрий растерял всех сторонников...

Но в условиях постоянных мятежей и ударов в спину Россия не смогла в полной мере реализовать плоды достигнутых побед. Войну со Швецией, невзирая на все успехи, пришлось завершить «вничью». Царские войска оставили Юрьев (Тарту) и другие города Прибалтики, занятые ими. Отказались от попыток вернуть территории, которые Швеция отобрала у нашей страны в годы Смуты, – Ижорскую землю по Неве, Карелию, крепости Орешек, Ям, Копорье.

Да и с Польшей война слишком затянулась, начались поиски компромиссного мира. А на Украине низвержение Юрия Хмельницкого отнюдь не принесло успокоения и единения. Наоборот, казачьи старшины раскололись. Левобережное начальство старалось подстроиться к Москве, выпрашивало чины и пожалования. Но правобережные полковники под власть России так и не вернулись. Проводили свои рады, избирали отдельное руководство, возобновили переговоры с поляками, соглашаясь подтвердить Гадячский договор, вернуться под власть короля.

Что ж, Алексей Михайлович учел такую позицию. Он не намеревался насильно завоевывать Украину! Он пришел помогать по приглашению самих украинцев. Если часть из них снова захотела вернуться в состав Польши – пускай будет так. Глядишь, со временем одумаются, тогда и видно будет. В 1667 г. по Андрусовскому перемирию Украина разделилась. К России отошли Левобережье и Киев – у поляков осталась западная часть страны.

Соответственно, и гетманов стало два. На Левобережье Брюховецкий, на Правобережье – Дорошенко. Причем изменили оба! В поляках разочаровались, а русскую дисциплину и порядок принимать не хотели. Оба гетмана додумались до нового варианта, как бы им сладко жить в свое удовольствие. Передались под власть турецкого султана! Перед османскими посланцами тайно приносили присягу. Кстати, любопытно отметить – присягали на кресте и Евангелии!

Дорошенко вместе с татарами повадился грабить Польшу. А Брюховецкий развернул агитацию, будто «москальи» намерены поработить Малороссию. Подготовил отряды верных людей, сумел обманами привлечь к себе запорожцев. В феврале 1668 г. по разным городам гетманские войска напали на русских. Перерезали всех, кого застали врасплох. Захватили 14 тыс. руб., на 74 тыс. руб. пожитков русских чиновников и воинов, 183 пушки, 142 тыс. четвертей хлеба (посланного русским правительством подкормить бедствующую Украину!) Пришла татарская орда – вместе идти на Россию.

Но два предателя, Дорошенко и Брюховецкий, враждовали между собой. Каждый желал быть единственным гетманом! Полковники приняли сторону Дорошенко, а соперника выдали ему на расправу. Брюховецкого забили насмерть дубинами. Хотя отвратительная гетманская свара возмутила рядовых казаков. Запорожцы объявили, что Дорошенко вообще нехрист и «татарскую веру принял». Войско стало расходиться кто куда.

А многие жители Малороссии и на этот раз остались верными Москве. Киев, Нежин, Чернигов, Переяславль не примкнули к восстанию, держались в осадах. На Украину двину-

лась царская армия Ромодановского – после хаоса и разгула мятежников большинство жителей встречали ее как избавителей. Да и соблазнившиеся одумывались, приносили повинную. Была созвана рада. Ромодановский и глава Малороссийского приказа боярин Матвеев хорошо изучили казачьих предводителей. На пост гетмана они сумели провести Ивана Самойловича – первого после Богдана Хмельницкого, кто стал честно служить России.

На Украине настала полная каша! Теперь заправляли три гетмана! «Польский» – Хоненко, «турецкий» – Дорошенко, «русский» – Самойлович. А Запорожская Сечь под руководством кошевого атамана Сирко пыталась вести самостоятельную линию. Ну а Дорошенко, теряя всякую опору, позвал на помощь своих покровителей, на Украину двинулись турецкие полчища. Поляков они раздавили, заняли Подолию, Прикарпатье. Опустошили все Правобережье, угоняя жителей в рабство. За это нашествие Дорошенко проклинали сами украинцы. Когда русские подступили к его столице, Чигирину, город взбунтовался и заставил гетмана сдаться.

Но турок даже такой поворот не смутил. Если одного ставленника не стало, они нашли другого. У них в это время в плену оказался Юрий Хмельницкий, и ему предложили роль гетмана под властью султана. Проходимец охотно согласился, принялся формировать войско. Правда, его авторитет упал слишком низко. «Войско» насчитывало лишь 150 бродяг. Но какая разница? Его титуловали «князем Малороссии» и послали 100-тысячную рать «помочь» ему сесть на престол. Однако Россия оказалась настолько сильна, что справилась и с новым противником. В сражениях под Чигирином царские войска растрепали две турецких армии, отбили в Стамбуле всякую охоту наступать на север. Только тогда на Украину пришел мир. Только тогда окончательно утвердилось – ее восточная часть остается единой с Россией.

Впрочем, еще не окончательно. Еще никто не знал – последняя битва впереди. Но именно в это время на исторической арене появились двое героев грядущей схватки. Двое героев нашей книги. Один из них – Иван Мазепа. Точнее, Ян. Он был польским шляхтичем. Получил великолепное образование в иезуитском колледже, служил при дворе короля Яна Казимира. Потом перешел в свиту одного из магнатов, но слишком увлекся супругой хозяина, тот поймал их в кровати. Хотя пан оказался добродушным, убивать не стал. Приказал вместо этого раздеть Мазепу догола, вымазать смолой, вывалить в перьях, привязать к коню задом наперед и пустить на дорогу. После такого позора оставаться в шляхетской среде было невыносимо, он ушел на Украину, присоединился к казакам. Блестящее образование и полная беспринципность позволили ему возвыситься. У Дорошенко он занял пост генерального писаря. В 1674 г. гетман послал его в Стамбул, срочно просить помощи против русских. Но в степи его поймали запорожцы. Передали царским воеводам, важного пленника доставили в Москву, и боярин Матвеев перевербовал его. Мазепа начал работать на русских.

Кстати, Матвеев был далеко не рядовым сановником. Он считался доверенным лицом государя, его другом – и даже родственником. Как раз недавно в личной жизни Алексея Михайловича произошли серьезные перемены. Семья у него была большая, вроде бы, дружная. Царица Мария Милославская принесла ему 13 детишек. Но проявился какой-то наследственный недуг. Скорее всего, скрытая болезнь была у супруги, но она отмечалась только в мужском потомстве. Дочки выглядели здоровыми, а мальчики рождались хилыми. Первенец, Дмитрий, умер годовалым. Второй, Алексей, скончался в 16 лет, Симеон в 4 года.

Оставались живыми Федор и Иван, но оба были инвалидами. Однако в 1669 г. при очередных родах Мария умерла. А через некоторое время, заехав в гости к Матвееву, царь познакомился с юной воспитанницей боярина Натальей Нарышкиной. Горячо полюбил ее и вскоре вступил во второй брак. В 1672 г. она родила здоровенького и крепенького мальчика. Царевича Петра...

3. Кое-что о чужебесии

Для западного мира во все времена было характерным представлять только свою цивилизацию «настоящей», а всех, кто не принадлежит к ней, объявлять «варварами». Пытаться переучивать, навязывать собственные стереотипы. Но и в России зарубежная пропаганда во все времена находила благодатную почву. Уж больно привлекательными выглядели западные порядки! Дома – строгая православная мораль. То нельзя, это нельзя. Дома – многочисленные обязанности перед Богом, перед государем, перед городом или деревенской общиной, перед семьей. Если нарушишь законы и обычаи, придется отвечать...

А в Европе оказывалось – то можно, и это можно. Католическая церковь, в отличие от православной, практически не ограничивала свою паству в удовольствиях. Она сама заразилась соблазнами «красивой жизни». А уж власть имущим или толстосумам легко отпустились любые грехи. В общем, что можешь себе позволить, то и разрешается. Если тебе по средствам напиться в кабаке и отплясывать с девками легкого поведения – пожалуйста. Если по средствам кутить во дворцах со знатными дамами – еще лучше. Обязанности для черни. А для тех, кто чего-то добился в жизни, – права.

Подобные приманки были вовсе не безобидными. В свое время аристократам Литвы очень понравился образ жизни польских панов – в результате Литва вступила в альянс с Польшей и была полностью поглощена. Но и для русской знати зарубежные «свободы» казались очень уж заманчивыми. Противники нашей страны обнаружили слабое место, умело использовали. Среди бояр и дворян появлялись изменники, перебежчики, эмигранты. Но и среди тех, кто верно служил государю, многие увлекались западничеством. Зарубежные гости рисовали свои страны в самых радужных красках, ну а русские доверчиво развешивали уши.

Любопытно, что опасность такого явления одним из первых обрисовал шпион Юрий Крижанич. Он был хорватом, католическим священником, и Ватикан направил его в Россию под видом православного серба. Крижанич пересылал за границу всевозможный «негатив» о нашей стране, грязные сплетни. Но его разоблачили и сослали в Тобольск. Иностранному агенту поневоле довелось долгое время жить среди русских, однако после этого он очень зауважал Россию. А западничество характеризовал как «чужебесие». Поучал: «Ничто не может быть более губительным для страны и народа, нежели пренебрежение своими благими порядками, законами, языком и присвоение чужих порядков и чужого языка и желание стать другим народом»...

Действительно, «свое» имелось! Самобытное, яркое! Как раз во времена Алексея Михайловича Россия достигла высочайшего расцвета культуры. Культуры еще русской, исконной, развивавшейся на национальной основе. Функционировало 5 типографий, и по общему тиражу издаваемой литературы наша страна занимала первое место в Европе! Но этого не хватало, спрос на печатную продукцию был огромным. Многие владельцы типографий в Польше и Литве специализировались на производстве книг для нашей страны. В больших городах действовали училища, которые можно было уже отнести к высшим учебным заведениям (в одной лишь Москве таких училищ было шесть).

Возводились шедевры архитектуры: великолепные храмы, мощные крепости, сказочные дворцы и терема. Создавали шедевры русские иконописцы – Симон Ушаков, Никола Павловец, Иосиф Владимиров, Семен Спиридонов и др. Неповторимые произведения искусства творили отечественные ювелиры, резчики, вышивальщицы. Сюда будет не лишним добавить и народное творчество – сказки, былины, песни, музыку.

Кстати, даже в стилях одежды русские не стремились гоняться за импортными модами. Наоборот, приезжавшие в нашу страну чужеземцы до середины XVII в. стремились пере-

одеваться в русское платье. Оно было удобнее, больше соответствовало нашему климату, да и выглядело красивее. К сожалению, эту тенденцию пресек крутой и чересчур решительный патриарх Никон. Однажды он проезжал по Москве, благословляя народ, и заметил, что не все люди при этом падают ниц. Поинтересовался, и ему доложили – это были иностранцы. Патриарх вспылил: дескать, иноверцы «обманом» или случайным образом получают его благословение. Повелел, чтобы отныне чужеземцы ходили в своих национальных костюмах...

Но в целом ситуация с западничеством получилась парадоксальной. В период тяжелого и долгого противостояния с Польшей Россия успешно сопротивлялась «чужебесию». А когда одолела давнюю соперницу, в нашу страну широко хлынули польская культура, обычаи, нравы! Хлынули не из-за того, что были лучше и полезнее. Ведь это были обычаи и культура проигравших. Они сами по себе немало поспособствовали разъеданию Польши и ее падению. Но европейские особенности оказались для русских людей чем-то новеньким, свеженьким. И соблазнительным...

Они потекли в Россию с толпами пленных панов – поляки умели показать себя, посверкать мишурой «рыцарской чести», образования. Потекли с русскими воинами, заглянувшими в чужую жизнь. Широкими воротами для распространения зарубежных новинок стала присоединенная Украина. Здешняя казачья старшина воспитывалась на основе польской культуры, отдавала детей в европейские университеты, в иезуитские коллегии – они считались самыми лучшими учебными заведениями.

Но и враги нашей страны не остались в стороне от «культурных влияний». Специалистами ордена иезуитов уже давно были отработаны технологии воздействия на политику тех или иных государств. С одной стороны, следовало искать высокопоставленных лиц, попавших под зарубежное обаяние, обрабатывать их и превращать в свое орудие. С другой, требовалось продвигать «своих» людей в правительства и окружение монархов. Все эти механизмы были применены против России. Среди тех, кого обрабатывали, был канцлер Ордин-Нащокин. Он настолько полюбил Польшу, что доказывал необходимость братского союза, и ради пущей дружбы предлагал возвратить ей отвоєванную Украину.

А рядом с царем обозначилась другая фигура – Симеон Полоцкий. В миру его звали Самуил Гаврилович Петровский-Ситнианович. Он был одним из униатов-перекрещенцев. Окончил Киево-Могилянскую академию и Виленскую иезуитскую академию. Принял иноческий постриг, вступив в Базилианский орден. Это униатский орден «византийского обряда», посвященный Василию Великому. (Небезынтересно отметить, что орден существует и сейчас, в 2014 г. он принял активное участие в раскручивании «революции» на Украине, пропагандировал и благословлял принятие законов о европейских «свободах» – ювенальной юстиции, однополых браках и прочих извращениях). В XVII в. «свободы» еще не доходили до подобного уровня, но орден и в те времена занимал вполне определенную антироссийскую позицию.

В 1654–1655 г. царские войска одержали ряд побед и овладели всей Белоруссией. А в 1656 г. в Полоцк приехал откуда-то Симеон. Он объявил, что вернулся из униатства в православие. Учитывая солидное образование, его взяли преподавателем в школу Полоцкого православного братства. Хотя как раз в это время, в начале 1656 г., в Полоцке сосредотачивались основные силы русской армии для похода на Ригу. Ждали самого царя, и Симеон появился незадолго до его приезда. Приветствовал его пышными стихотворными восхвалениями, и Алексею Михайловичу понравилось, он заметил поэта.

В 1660 г. Полоцкий приехал в Москву. Царь принял его, с удовольствием слушал стихи и назначил придворным литератором. В 1663 г. Симеон возглавил столичную Заиконоспасскую школу – а это было привилегированное заведение, готовило квалифицированных чиновников для государственного аппарата. Полоцкий продолжал радовать государя парадными стихами, взялся организовывать первый в России театр. Алексей Михайлович

высоко ценил его способности, назначил воспитателем собственных старших детей – Алексея Алексеевича, Федора и Софьи. А между тем Симеон остался тайным униатом! Он скрыл свою принадлежность к Базилианскому ордену. Очевидно, сохранял связи и с иезуитами.

В Москве Полоцкий сумел воспитать себе помощника. Им стал один из учеников Заиконоспасской школы Семен Медведев – чиновник Приказа тайных дел, т. е. спецслужбы Алексея Михайловича, контролировавшей исполнение его распоряжений. По окончании школы Полоцкий пристроил Медведева в окружение Ордина-Нащокина, он сопровождал канцлера на все международные переговоры и конференции. Но если Ордин-Нащокин «всего лишь» безоглядно увлекся польскими влияниями и из-за этого наломал дров, то его подручный Медведев, судя по всему, работал на католическую разведку. Информировал поляков о секретах московского внешнеполитического ведомства. А через него иезуиты «подсказывали» русскому канцлеру нужные для них идеи.

Карьера обоих деятелей оборвалась одновременно. Когда полонофильские симпатии Ордина-Нащокина стали зашкаливать за рамки государственных интересов, Алексей Михайлович охладил к нему. Несколько раз выговаривал, начал ограничивать его полномочия. Но канцлер переоценил собственное значение. Во время визита польских послов он дошел до того, что бросил царю дерзкий ультиматум. Потребовал, чтобы договор составлялся по его проектам, а в противном случае пригрозил уйти в монастырь. Он перегнул палку. Государь вдруг объявил, что согласен с пострижением. Ордину-Нащокину после этого ничего не осталось делать, кроме как принять постриг в Пскове, в Крыпецком монастыре. Внешнеполитическое ведомство Алексей Михайлович передал Матвееву. А Медведев, в отличие от канцлера, знал за собой какую-то очень серьезную вину. Когда сменилось руководство Посольского приказа, он перепугался, что откроются некие его делишки, и скрылся. Несколько лет прятался в монастырях Путивля и Курска, принял там постриг с именем Сильвестра.

В 1674 г. Алексей Михайлович официально объявил старшего из сыновей, Федора, наследником престола. Хотя при дворе этот акт считали чисто формальным. Государь был полон сил, ему исполнилось 47 лет. Казалось очевидным, что он переживет больного Федора, а там и Петр подрастет, родятся другие сыновья. Но на Крещение в 1676 г. царь, как обычно, присутствовал на водосвятии и сильно простудился. Болезнь усугубилась неправильным лечением – у государя начали пускать кровь, причем в «лошадиных» дозах. Он ослабел, развилось воспаление легких.

Могло ли быть так, что Алексея Михайловича уморили преднамеренно? Или имела место обычная медицинская безграмотность? Для той эпохи она была обычной. На Западе врачей называли «подручными смерти». А кровопускания и очищения кишечника европейская медицина считала общепризнанными средствами от всех болезней! Таким лечением в свое время вогнали в гроб французских королей Франциска II, Людовика XIII, королеву Марго, кардинала Ришелье. Алексея Михайловича тоже врачевали дипломированные европейские доктора. Случайно или нарочно его «залечили» – вряд ли мы когда-нибудь узнаем.

Царь уходил из жизни по-православному. Приказал освободить из тюрем всех узников, простить все долги и недоимки. Благословил на царство Федора, но позаботился и о четырехлетнем Петре. Назначил наставниками его деда Кирилла Нарышкина, окольничих Прозоровского, Головина и Головкина. 29 января 1676 г. Алексей Михайлович отошел в мир иной.

Народное горе было безутешным. Массы людей, невзирая на лютую зиму, шли и ехали в Москву попрощаться с государем. Провожали как отца родного для всех русских. Он защищал и оберегал каждого из подданных. После себя государь оставлял могучую державу. Оставлял богатую казну, мощную армию. Оставлял нереализованные планы и мечты. Создать флот, открыть дорогу в Черное и Балтийское моря. Обрывалось великое и славное

правление – а вместе с ним обрывалась целая эпоха. Наступала иная, хотя об этом еще никто не догадывался...

На трон взошел 16-летний Федор Алексеевич. У него опухали ноги, при ходьбе ему приходилось опираться на палку, он одевался с посторонней помощью, а во время приступов его носили на руках. Помогали ему двое сверстников, постельничий Иван Языков и стольник Алексей Лихачев. Они росли вместе с Федором, все время были рядом – и стали ближайшими друзьями. Но теперь двое зеленых мальчишек оказались в роли советников царя! А рядом с ними очутилась сестра Софья. Энергичная, умная, властолюбивая. Она тоже была близка к Федору, их вместе воспитывали, они вместе сидели на уроках у Симеона Полоцкого.

Вокруг трона сразу же закипел клубок интриг. Подняли головы Милославские – родственники первой жены Алексея Михайловича. Они проявили себя людьми мелочными, злопамятными. Родственников второй жены, Нарышкиных, они ненавидели. Считали, что те оттеснили их от самых выгодных должностей. А главным врагом видели боярина Матвеева! Воспитателя царицы Натальи. В последние годы властвования Алексея Михайловича он фактически возглавлял правительство.

Теперь Милославские взялись мстить. Отца и братьев царицы Натальи отправили в ссылки. Матвеева назначили воеводой в глухое Верхотурье. Но этого показалось мало. Состряпали донос, обвиняя его в казнокрадстве и колдовстве, добивались смертной казни. Федор Алексеевич был добрым юношей, не утвердил приговор. Но у Матвеева конфисковали имущество, и вместо воеводства он угодил в ссылку в Пустозерск.

Овдовевшая Наталья всего-то пять лет наслаждалась семейным счастьем – и очутились в атмосфере общего отчуждения. Обнаглевший Языков прямо объявил царице: во дворце слишком тесно, пусть переселяется куда хочет. Но Наталья была женщиной не из робких, решила стоять за себя. Для несмышленного Петра написали специальную речь, мальчик выучил ее наизусть. Пошел к царю и произнес перед ним, сравнивал себя с изгнанным и убитым царевичем Дмитрием Угличским, а Языкова – с Борисом Годуновым. Федор был не только старшим братом, но и крестным отцом Петра, он устыдился. Языкова на время отдал от двора, заставил извиняться.

Впрочем, эта «осечка» стала исключением. Победители спешили вознаградить себя. Поделили между собой руководящие посты. Расхватали имения, конфискованные у опальных. «Под шумок» прибирали к рукам казенные земли.

Одним из тех, кто возвысился при новой власти, стал Василий Голицын. Он служил при дворе уже 17 лет, но оставался в невысоких чинах. Алексей Михайлович не отмечал за ним каких-либо заслуг и способностей. Но Голицын был клеветом Милославских! Кроме того, он хорошо знал Симеона Полоцкого. Он в частном порядке изучал те же предметы, которые преподавал Симеон в Заиконоспасской школе – очевидно, пользовался его уроками. По убеждениям Голицын был ярым «западником», а галантные европейские манеры, которыми он не преминул научиться, очень понравились Софье. Это обеспечило стремительный взлет Голицына! Из стольников его одним махом пожаловали в бояре, передали под его руководство два приказа.

Но теперь пролезали наверх именно такие! Ведь именно сейчас стали бурно прорастать семена, посеянные Симеоном Полоцким. Польскими влияниями оказались заражены сам царь, его сестра, их ближайшее окружение. Они взялись переделывать по своим вкусам всю Россию! Федор Алексеевич издал указ, рекомендовавший подданным брить бороды. Для государственных служащих официально вводилось польское платье. В «старорусской» одежде вход в Кремль был вообще запрещен. Волосы начали стричь по-польски, в кружок. Современник писал: «На Москве стали... бороды брить, сабли и кунтуши польские носить, школы заводить». В высшем свете распространялись польское вольнодумство, сомнительные учения, западное изобразительное искусство, вечеринки с танцами.

Это встревожило патриарха Иоакима, он предупреждал царя об опасности необдуманных преобразований. Но не тут-то было. Полоцкий великолепно владел западным искусством богословских споров, опровергал перед Федором доводы Иоакима. А окружение внушало государю, что патриарх попросту отстал от жизни и ничего не смыслит. В результате царь недвусмысленно велел Иоакиму не вмешиваться в светские дела. Мало того, увеличил подати с Церкви.

Рушилось не только единство государственной и духовной власти. Рушилась сама система земской державы – ее переделывали в аристократическую, как в Польше. Дворяне стали называть себя «шляхетством», а для черни переняли польское выражение «подлый люд». Налоги взвинтили. Вместо пососной системы (по количеству обрабатываемой земли) ввели подворную – с любого двора, богатого и бедного, стали брать одинаково. Земские самоуправления в городах лишили почти всех полномочий, передали их властью воеводам. А на воеводства и прочие теплые места назначались любимцы царя и царевны, их друзья. Они ринулись хищничать и обогащаться, а связь государя с простым народом постарались пресечь. Больной Федор почти не покидал дворец, бедноту в русской одежде даже в Кремль перестали пускать. «Челобитное окно» во дворце ликвидировали, упразднили Приказ тайных дел – вельможам, дорвавшимся до кормушек, не требовалось ведомство, которое будет их контролировать.

В разгар этих реформ, в 1677 г., вынырнул и прятавшийся Сильвестр Медведев. Полоцкий не забыл его, ввел в придворные круги. Причем он предназначил для своего помощника чрезвычайно важную задачу! Предложил назначить его наставником царевича Петра. Таким образом, подрастающего претендента на престол тоже захватывали под католическое влияние. Но против такого назначения выступил патриарх. Он уже заподозрил, что обработка государственной верхушки осуществляется отнюдь не случайным образом. Без патриаршего благословения кандидатуру Медведева отвергла и мать Петра Наталья.

Ну что ж, если не удалось приставить его к царевичу, для Сильвестра нашли другую должность – поставили главным «справщиком», то бишь редактором для издания богослужебных книг. А кроме того, он полюбился Софье и вошел в круг ее друзей. Этот круг был особым. Царевна умела ладить с молодыми любимцами брата, Языковым и Лихачевым. Умела опереться и на клан Милославских. Но она понимала, что больной брат не вечен. Видела, насколько ограничены Милославские в своих мелочных амбициях.

Царевна смотрела дальше, в будущее. Постепенно она начинала играть в государстве самостоятельную роль. Даже стала появляться на заседаниях Боярской Думы. У Софьи сформировалась собственная группировка – Голицын, Полоцкий, Медведев. Те люди, кто мог поспособствовать ей в грядущей борьбе за власть. Софья уже сейчас создала себе подобие западного королевского двора. Полоцкий по-прежнему выступал наставником и советником. Голицын стал не только преданным помощником, но и фаворитом царевны. А молодой и галантный Медведев вел себя, как католический прелат – редко вспоминал о христианских устоях, зато оказался знатоком оккультных дисциплин, составлял для Софьи и царя астрологические прогнозы.

Но реформаторство проявилось не только в гороскопах и свободе нравов. Оно однозначно отразилось в государственной политике! Истекал срок Андрусовского перемирия с Польшей, развернулись переговоры о его продлении. И тут-то советники подбросили царю мысль, что в России имеется бесценный дипломат. Ордин-Нащокин! Тот самый специалист, который заключал прошлый договор, без толку пропадает в монастыре. Причем выяснилось, что бывший канцлер до сих пор не терял надежды вернуться в большую политику, сохранял обширный архив.

По приказу Федора Алексеевича Ордина-Нащокина быстренько переодели из монашеского платья в боярское, привезли в Москву. Он сразу же расцвел, загордился. Возомнил, что

его мудрую линию наконец-то оценили. Выплеснул старые идеи, что с Польшей надо заключать тесный дружеский союз. Для этого необходимо вернуть ей Киев, да и судьбу остальной Украины перерешить заново. Собрать для этого конференцию всех заинтересованных держав – России, Польши, Турции и Крымского ханства.

Но кое-чего Ордин-Нащокин не понял. Невзирая на то, что молодой царь полюбил польские наряды и стихи, он оставался патриотом! Услышав предложение пожертвовать Украиной, за которую пролилось столько крови, он глубоко возмутился. Решил, что канцлер на старости лет повредился умом, что с него взять? Ордина-Нащокина увезли обратно в монастырь – так же быстро, как извлекли оттуда.

Однако тайных друзей Польши и Ватикана в Кремле хватало и без него. Перемирие продлили на очень своеобразных условиях. Речь Посполитая в прошлых договорах уже признавала Киев владением царя. Да если бы и не признавала, что она могла предпринять? Разгромленная, опустошенная, разоренная. Тем не менее, с ней достигли соглашения, что она подпишет перемирие, очередной раз «уступит» Киев, а ей в качестве «компенсации» отвалили колоссальную сумму, 200 тыс. рублей, да еще и отдали Невель, Себеж и Велиж с уездами. Три города с православным населением, которое уже четверть века жило в составе России! Федора Алексеевича сумели убедить, что это вовсе не преступление, не измена, а «успех» государевых дипломатов!

Да, реформаторы сохраняли нешуточное влияние на царя. Они чувствовали себя настолько уверенно, что Полоцкий и Медведев возглавили партию «латинствующих» среди духовенства, отстаивали католические взгляды по некоторым богословским вопросам (например, о времени пресуществления Святых Даров в ходе литургии). Добились от государя разрешения открыть новую типографию, не подконтрольную патриархии. Увлекли Федора Алексеевича проектами создания Славяно-греко-латинской академии. Изначально предполагалось, что это будет первый российский университет по западному образцу, а возглавит его Полоцкий.

Царь сам взялся сочинять устав. Писал, что выпускники получают преимущества в приеме на службу, в продвижении на руководящие должности. А выходцы из простонародья, закончив академию, смогут уравниваться в чинах с «благородными». Нетрудно представить, каким рассадником чужеземных влияний могло стать подобное заведение, но в 1680 г. Полоцкий умер. Медведев без него все-таки не обладал достаточным весом, и патриарх затормозил эти проекты.

4. Кто и как использовал стрельцов

При Федоре Алексеевиче Московская Русь достигла максимального военного могущества. В 1679 г., когда грозило вторжение турок, на южные границы вышла великолепная армия под командованием Михаила Черкасского и Бориса Шереметева – 113 тыс. пехоты и конницы, да еще 40 тыс. украинских казаков. Артиллерия насчитывала 400 стволов, в обозе везли 11 тыс. ручных гранат.

Но... это была уже инерция прежних достижений! Правление временщиков обернулось страшными злоупотреблениями. Фавориты царя и их знакомые разворовывали казну, растаскивали все, что «плохо лежит». Дошло до того, что даже московским стрельцам перестали платить жалованье. А это была придворная гвардия, их насчитывалось 22 полка.

Правда, жалованье было не единственным их заработком. Стрельцам предоставлялось право беспощинно торговать, заниматься промыслами. Хотя такая специфика сказала не лучшим образом на боеспособности стрельцов. Они расслоились на состоятельных хозяи- чиков и бедноту. Те, кто побогаче, стремились освободиться от военных походов и занятий. Для этого задабривали подношениями командиров, писарей или приплачивали товарищам, чтобы сходили вместо них.

Служба была выгодной, в полк старались записать сыновей и прочих родственников. Но сейчас невыплаты стали хроническими. Если начальники имели «лапу» в правительстве, чего им было стесняться? Они не только прибирали к рукам деньги, но и притесняли подчиненных, заставляли работать в своих личных хозяйствах. Стрельцы подали жалобу царю, и Федор поручил разобраться Языкову. Однако в деле были замешаны приятели Языкова, и он объявил челобитную клеветой. Досталось тем, кто ее подал, – их били кнутом и отправили в ссылку.

Обычных армейских полков злоупотребления коснулись еще сильнее. До них не доходили ни жалованье, ни снабжение. На обучение махнули рукой, это было никому не нужно. В полках множились «мертвые души» – командиры старались получить на них оплату, хлеб, сукно. А солдаты и драгуны, чтобы как-то прокормиться, превращались в военизированных крестьян. Аналогичным образом пошла вразнос экономика, финансы. Казенные предприятия разваливались, растаскивались, распродавались в частные руки. А частные предприниматели вынуждены были кормить взятками временщиков и их любимцев.

В народе нарастало недовольство. Резко увеличивалось число раскольников. Стоит подчеркнуть, что раскол в церкви возник уже давно, в 1650-х годах, но долгое время он не имел никакой поддержки в народе! Проповедниками раскола оставалась узкая кучка вчерашних священнослужителей, а их покровителями выступали оппозиционные аристократы: боярыня Морозова, княгиня Урусова, князь Хованский. Простые русские люди привыкли доверять церкви и патриарху. Даже Стенька Разин пытался поднимать народ под лозунгом поддержки патриарха Никона, якобы свергнутого боярами.

И только реформы Федора обеспечили массовый приток к учителям раскола. Брадобритие и польские моды представлялись доказательствами «повреждения» веры. Повысились подати, приближенным царя раздавались деревни, крепостились свободные крестьяне и росло количество беглых. Из армии дезертировали солдаты. Они находили пристанище в подпольных общинах: перекрестись двумя пальцами – и тебя накормят, укроют. В глухомани множились скиты. Провозглашалось, будто уже настало «царствие антихриста». Проповедники призывали «удалиться и бегати», не платить подати. В молитвах не поминали бранью Церковь. Всех, кто посещал «никоновские» храмы, требовали перекрещивать как еретиков.

Хотя на самом-то деле духовный разброд привел не к сбережению «неповрежденной» веры, а именно к ересям. Некоторые секты дошли до жутких ритуалов коллективных само-

сожжений. Другие собирали всякий сброд, рассылали «прелестные письма» и не скрывали, что намерены раздуть в стране смуту. Федор Алексеевич отреагировал. Против раскольников начали высылать военные экспедиции, применять более суровые наказания. Царь созвал Освященный Собор, обсудивший меры борьбы с этой напастью. Лидер раскола протопоп Аввакум, дерзнувший написать государю, будто во сне видел его отца в аду, был «за великие хулы» сожжен вместе с тремя единомышленниками.

Но угроза восстаний оставалась вполне реальной. Опасность усугублялась и положением вокруг трона. Здоровье царя оставляло желать много лучшего, а детей у него не было. В 1680 г. он полюбил небогатую дворянку с Украины, Агафью Грушецкую. Вопреки мнениям родственников, женился на ней – и в 1681 г. молодая супруга родила сына. Но радость мгновенно оборвалась. От родов Агафья не оправилась, через три дня умерла. За ней скончался и младенец.

Кто оставался наследником? Брату Федора, Ивану Алексеевичу, исполнилось 17 лет. Но он-то и подавно не годился на царство, был почти слеп, хром, косноязычен. А там временем подрастал Петр. Царь старался, чтобы младший брат и его мать не чувствовали себя ущемленными. Наталье сохранили штат из 102 дворян, несших службу при ней, сохранили целый двор мамок и нянек, выделяли неплохое содержание.

И все-таки она чувствовала себя в Кремле неуютно. Предпочитала жить в селе Преображенском, она полюбила эту усадьбу еще при жизни мужа. Вроде бы, покинула эпицентр политической жизни. Но при новых властителях оказались обиженными не только крестьяне или стрельцы. Временщики оттеснили от власти родовитых бояр, не считались с патриархом. Теперь Иоаким стал навещать Наталью. К ней потянулись и представители высшей аристократии – Репнины, Ромодановские, Шереметевы, Куракины. Складывалась патриотическая партия, и маленький Петр превращался в ее знамя. Хотя он-то был еще маленьким. Что-нибудь объяснять – слишком сложно. Или сболтнет где-нибудь лишнее. Серьезные разговоры предпочитали вести без него. Поэтому ситуация складывалась весьма своеобразно. С именем Петра связывались надежды, вокруг него строились планы, но самому Петру внимания почти не уделяли.

Даже с воспитателями получилось неладно. Кандидатуру Медведева отвергли, а подыскать равнозначную замену не удосужились. Боярин Соковнин посоветовал Наталью взять наставником дьяка Никиту Зотова, его и приставили к царевичу. Мать не проверяла процесс обучения, руки не доходили. А Зотов оказался не слишком прилежным педагогом, зато чрезмерно уважал спиртное. Петр был очень способным, легко схватывал основы письма, чтения, арифметики. Наставник этим пользовался, чтобы побыстрее закруглить уроки и отправить царевича играть с дворовыми детьми. А сам без помех предавался хмельным радостям. Петр рос вообще без систематического воспитания.

Некоторые историки приводят версию, будто Федор Алексеевич, похоронив Грушецкую, не хотел больше жениться, намеревался назначить наследником Петра. Правда это или легенда, придуманная сторонниками Нарышкиных, трудно судить. Но Милославские обеспокоились. Языков с Лихачевым и подавно запаниковали. Их-то в случае смерти государя однозначно ждали опалы и конфискации. Им позарез было нужно, чтобы Федор все-таки произвел сына, тогда они смогут зацепиться за ребенка в качестве опекунов.

Они принялись обхаживать государя и сосватали ему 14-летнюю родственницу Языкова, Марфушу Апраксину. Всего через полгода после кончины Агафьи Федор женился на ней. Но Марфуша была близка не только к Языкову. Как выяснилось, ее крестным являлся опальный боярин Матвеев. Юная царица замолвила словечко, и муж поверил ей, бывшая клевета расплзлась по швам. Федор Алексеевич признал Матвеева невиновным, повелел вернуть из ссылки, возратить ему отнятое состояние. Вот тут-то почва под ногами Милославских зашаталась. Они проигрывали в любом случае!

Но состояние царя быстро ухудшалось, он окончательно слег. А ухаживать за братом самоотверженно взялась Софья. Она неотступно находилась возле ложа Федора, дежурила днями и ночами. Хотя при этом все связи государя с внешним миром как-то само собой переориентировались через царевну. Софья передавала его распоряжения. Сама определяла, кого допустить к брату. А это было немаловажным, Милославские и Нарышкины готовились к схватке...

И тут-то, совсем некстати, напомнили о себе стрельцы. 23 апреля 1682 г. они подали очередную жалобу на задержки жалованья. При дворе было не до них, царь умирал! Делегата с жалобой отправили в Стрелецкий приказ. Но и чиновники разбираться не хотели. Доложили главе приказа, 80-летнему Юрию Долгорукову, что жалобщик пьян. Да и вообще обращение к царю через голову собственного начальства Долгоруков счел нарушением субординации. Приказал высечь стрельца.

Вмешались товарищи делегата, отбили его. Стрелецкая слобода замитинговала. А в этой каше объявился неожиданный предводитель, Иван Андреевич Хованский. На польской и шведской войнах он командовал корпусами, отличился в нескольких сражениях. Но человеком не слишком умным, носил прозвище «Тараруй» – балаболка. Он считал, что его обидели, не оценили заслуг, обходят в чинах. К тому же Хованский был тайным раскольником. Вот он и задумал сыграть на возмущении. Ездил по полкам и внушал, что дальше будет еще хуже, им не дадут «ни корму, ни денег», а «бояре-изменники» продадут Москву еретикам и искоренят православие.

27 апреля скончался царь. Тут же, у гроба, партия Нарышкиных предприняла заранее подготовленный демарш. Патриарх Иоаким обратился к присутствующим с вопросом: кому быть государем, Ивану или Петру? Большинство бояр высказалось за Петра, но указывали, что для решения надо созвать Земский Собор. Нет, Иоаким не хотел давать Милославским опомниться. Объявил – зачем ждать? Вышел на Красную площадь и задал тот же вопрос собравшейся толпе. Кого хотят люди? Закричали: «Петра!». Софья возражала, что подобное избрание незаконно, а если Иван недееспособен, то и Петр еще мальчик. Предложила: пусть будет два царя. Патриарх легко разбил ее доводы, указал, что многовластие пагубно, и Богу угоден один государь.

Да уж какой там государь! Петру было 10 лет, а его мать никогда не имела отношения к власти. Все надежды она возлагала на Матвеева – приедет, возьмет дела в свои руки. Писала к нему, торопила. Он выехал из Пустозерска уже месяц назад, но... Теперь в каждом городе знали: он станет настоящим правителем России. Устраивали торжества, дарили подарки. А Матвееву после перенесенных унижений нравилось, он ехал медленно, с остановками. Пока Матвеева не было, Наталья поручила управление страной своему отцу и братьям, Афанасию и Ивану. Они тоже никакого опыта не имели, зато задрали носы, кичились новым положением.

Ну а Хованский в эти же дни подстрекал Стрелецкую слободу. 30 апреля сразу 17 полков предъявили ультиматум – уплатить жалованье, наказать их полковников, иначе они «промыслят о себе сами», перебьют начальников и разграбят их дома. Наталья перепугалась и решила задобрить стрельцов. Без расследования, без суда она велела арестовать обвиненных командиров, пустить их имущество на уплату жалованья. Двоих полковников было приказано бить кнутом, а 12 человек высечь батогами.

А между тем среди приговоренных были и честные, заслуженные начальники! Герои недавних войн! Теперь они рыдали от позора, а разбуянившиеся стрельцы сами командовали палачам «давай» или «довольно». Но попустительство смутьянам вовсе не принесло успокоения! Напротив! Стрельцы совершенно выходили из повиновения. Офицеры пытались навести порядок – их прогоняли бранью, камнями, несколько человек убили. Такое

отношение со стороны правительства оскорбило командиров. Они вообще перестали ходить на службу, уезжали из Москвы.

11 мая в столицу прибыл Матвеев. Стрельцы уважали его, присылали к нему делегации, жаловались на «неправды». Боярин принимал их, обещал разобраться, когда войдет в курс дел. Однако Милославские не позволили ему выправить ситуацию. Они запустили по полкам собственных агитаторов. Ввели тайные переговоры с Хованским. Выискивали и подкупали сторонников, сколачивали из них отряды. Рано утром 15 мая агенты Милославских и Хованского подняли стрельцов по набату. Шумели, что Нарышкины с помощью лекарей-иноземцев умертвили Федора Алексеевича, а теперь убили Ивана, законного царя. Оглашали списки «изменников».

Стрельцы повалили в Кремль. Но современники отмечали, что разные части и отряды вели себя по-разному. Сухарев и Стремянной полки не поверил лгунам, не присоединились к мятежу. Большинство настроилось отстаивать справедливость законными средствами. Выступили строем, со знаменами и иконами. Но в колонны стрельцов тут же вклинивались группы заговорщиков, уже изготовившиеся убивать. Они вооружились бердышами, заранее обрубили древки, чтобы было удобнее орудовать в коридорах и комнатах. Подступили ко дворцу, орали, чтобы им выдали «виновных».

Сперва казалось, что произошло недоразумение, и его легко развеять. На крыльцо вышла царица Наталья – вывела Ивана с Петром, и толпа ахнула! Оба были живы и здоровы! Вышли увещевать патриарх, Матвеев. Стрельцы извинялись. Просили, чтобы боярин замолвил за них словечко перед царем – взбунтовались по ошибке. Матвеев счел казус исчерпанным, удалился во дворец. Да только офицеров, чтобы скомандовать «кругом, шагом марш», в полках больше не было! Зато были агитаторы Хованского и Милославских, снова забузили.

Утихомирить их попробовал молодой боярин Михаил Долгоруков. Стал кричать, чтобы расходились по домам. Но именно этим воспользовались подстрекатели. Полезли на крыльцо, зашумели – опять орешь на нас? Бояре обманули, хотят разогнать, а потом скрутят в бараний рог! Михаила скинули с крыльца на подставленные копы. Первая кровь стала сигналом. Отряды убийц ринулись во дворец. Покатилась резня по спискам. Причем у людей Милославских и Хованского списки оказались разные, они искали жертвы независимо друг от друга. Про повод мятежа никто уже не вспоминал. Наткнулись в коридоре на царицу Наталью с Иваном и Петром – их грубо отшвырнули в сторону. Петра забрызгало кровью его родных, он получил тяжелый нервный шок, который давал о себе знать всю жизнь.

Другие стрельцы так и торчали на площади. Организаторы позаботились подвезти водку, взломали дворцовые погреба. Кто поумнее и поспокойнее, уходили в Стрелецкую слободу, а по улицам разбредались пьяные шайки, лилась кровь. Погибло более 100 человек – Матвеев, Языков, Долгоруковы, Ромодановские, брат царицы Афанасий. Другого брата Ивана она спрятала, но мятежники настаивали выдать его, и Софья хладнокровно вынудила Наталью пожертвовать братом. Бунтовщики пытали его. Хотели, чтобы он подтвердил отравление царя и покушение на царевича Ивана. Однако Иван Нарышкин отказывался водить напраслину на свою семью, вынес все мучения и был изрублен на куски.

Софья в страшные дни стала единолично распоряжаться во дворце – Наталья, потерянная и разбитая, лишившаяся близких, выбыла из строя. Царевна же брала под контроль разбушевавшуюся стихию. В полках по-прежнему действовали агенты Милославских, подыгрывали. Стрельцов начали приводить в Кремль каждый день по два полка. Их угощали обедами, Софья собственноручно обносила чарками вина.

С Хованским вроде бы договорились – его официально назначили начальником Стрелецкого приказа вместо растерзанного Долгорукова. На Красной площади воздвигли столб, на нем написали, что убитые были действительно виновны, а мятежники совершили подвиг, спасли страну. Всем полкам выдали похвальные грамоты. Стрельцам обещали выплатить

задолженности, начиная... с 1646 г. А именно 240 тыс. руб. Колоссальную сумму взяли, конечно, с потолка. Ее забросил стрельцам Хованский...

Но Софья безоговорочно согласилась. Разослала по городам указ свозить в Москву деньги и серебряные изделия, откупаться от стрельцов. Хотя царевна шла на уступки отнюдь не бескорыстно. За это и стрельцы добавляли в свои требования некоторые пункты, которые были нужны Софье. Она вела игру хитро и тонко, сохраняя «чистые руки». Все требования следовали только от имени стрельцов! Царевна вроде бы оставалась ни при чем. Разводила руками – со стрельцами не поспоришь, приходится выполнять.

Так, по требованию стрельцов, а вовсе не Софьи, отправились по ссылкам все враги Милославских, если им посчастливилось уцелеть в резне. По требованию стрельцов постригли в монахи Кирилла Нарышкина, отца вдовствующей царицы. По требованию стрельцов был созван Земский Собор. Его решения тоже были продиктованы от имени стрельцов – возвести на трон вовсе не Петра, а двух царей, Ивана «первым», а Петра «вторым». А при двух недееспособных царях поставить правительницу-регентшу. Софью. Земский Собор такое решение принял безоговорочно. Кто посмеет противиться, если зал заседаний окружают банды с саблями и бердышами?

Но мятеж организовывали слишком разные силы. Царевна добилась своих целей. Однако смутьяны из стрелецких полков отнюдь не спешили возвращаться к нормальной службе. Они обнаглели, чувствовали себя полными хозяевами в столице. По-прежнему выискивали и убивали неугодных, грабили. Да и Хованский занесся. Попытался гнуть собственную линию. Под его крыло стекались раскольники. Подзуживали выступить за старое «благочестие». Один из проповедников, Никита Пустосвят, с толпой последователей и стрельцов вломился в Успенский собор, прервал богослужение, выгнал патриарха.

А Хованский подговорил подчиненных, чтобы они выставили правительству новое требование – провести диспут между Церковью и старообрядцами. Он состоялся 5 июля в Грановитой палате. Патриарх Иоаким пришел с холмогорским архиепископом Афанасием. Привел сторонников и Пустосвят. Присутствовали бояре, Софья, царица Наталья. Набились стрельцы, они видели себя главными арбитрами. Диспута как такового не получилось. Патриарх и Афанасий начали объяснять греческие тексты, а Никита с раскольниками объявили, что пришли не толковать о грамматике греческой, а утверждать истинную веру. Стали хватать иерархов за бороды. Оказалось, что они принесли с собой камни, кидать в оппонентов. Стрельцы разгорячились, как болельщики, готовые поддержать «свою команду». Спасла положение Софья. Встала и крикнула: «Нас и все царство на шестерых чернецов не променяйте!»

Вот тут и открылось, что основная часть стрельцов к раскольничьим увлечениям Хованского равнодушна. Они сразу одумались, кинулись бить Пустосвята и его группу. Шумели: «Вы, бунтовщики, возмутили всем царством!» Потрепанная староверческая делегация, выйдя на площадь, пыталась провозглашать, будто они победили. Но Софья уже разобралась в настроениях стрельцов. Созвала выборных от полков, опять обносила вином, рассыпала деньги и обещания, а раскольничьих проповедников велела арестовать. Пустосвята обезглавили, остальных сослали по монастырям, и ни один полк за них не вступился.

«Старообрядческая революция» Хованского провалилась. Впрочем, он не считал это серьезным поражением. Предводитель стрельцов чувствовал себя всесильным. Подвыпив, он вполне по-«тараруйски» фантазировал о новых проектах. Как он породнится с царской династией, заставит отдать себе в жены младшую сестру Софьи, Екатерину. А дальше видно будет, кому править страной! Но Хованский забыл, что Москва – еще не вся Россия, а стрельцы – не вся армия. Его сила состояла только в том, что царская семья оказалась у него в заложниках.

Зато Софья это осознавала. 19 августа она со всем двором отправилась на храмовый праздник в Донской монастырь, совсем рядом с городом. А оттуда пожелала сделать крюк, заглянуть в Коломенское. А оттуда поехала вовсе не в Москву, а в Троице-Сергиев монастырь... И во все стороны понеслись гонцы с приказами – собирать войска в Коломне, Серпухове, Переславле-Залесском. Москву брали в кольцо.

Хованскому царевна напоследок подольстила. Выслала похвальную грамоту и пригласила к себе на именины. Даже намекнула, почему бы и в самом деле не женить его на Екатерине Алексеевне? Подействовало. Старый воевода раздулся от важности и... поехал. Но в селе Пушкине его уже поджидали. Схватили со всей свитой, мгновенно вынесли смертный приговор и отрубили головы.

Младший сын Хованского служил стольником у Петра, узнал о судьбе отца, сбежал в Москву и сообщил стрельцам. Те забушевали, грозили идти и разорить Троицу. Но куда там! В мятежах они совсем разложились, это была толпа, а не войско. Между тем, стали поступать известия, что дороги в столицу перекрыты, у Софьи собирается 30 тыс. воинов. Стрельцы сникли и покорились. Сами выдали зачинщиков. Срыли памятный столб на Красной площади, возвратили похвальные грамоты. Следствие возглавил Василий Голицын – и казнили не только смутьянов и убийц. Избавились и от тех, кто слишком много знал. Как говорится – концы в воду...

5. Дела европейские

В то же самое время, когда Россия добилась господства в Восточной Европе, выдвинулся лидер и в Западной Европе – Франция. Фундамент для ее величия создали два талантливых премьер-министра, два кардинала, Ришелье и Мазарини. Прижали дворянскую анархию, своеволие аристократов и городских парламентов, сепаратизм провинций. Фактически завершили слияние державы, сшитой из разнородных клочков, насаждали централизацию, отлаживали механизмы управления. Плоды пожинал «король-солнце», Людовик XIV. После смерти Мазарини он сам возглавил правительство и сам принимал важнейшие решения.

Но французская система абсолютизма очень отличалась от русского самодержавия. Формула Людовика XIV гласила: «Государство – это я». Он строил державу не на духовных и не экономических устоях. Наоборот, дал полную волю плотским фантазиям. Решил создать подобие «рая на земле» – а в центре «рая» должна была пребывать его собственная персона. В болотистом лесу в 18 км от Парижа развернулось строительство Версаля. Оно продолжалось 14 лет, обошлось в 500 млн ливров, только при сооружении водопровода для фонтанов вымерло 10 тыс. рабочих, а сколько всего жизней унесло строительство, история умалчивает.

Но в результате возник сказочный мирок – небывалый доселе парк и дворец. Здесь царила немыслимая роскошь, непрерывной чередой сменяли друг друга балы, маскарады, пышные театральные постановки, пиршества. Для избранных! Но чтобы попасть в мирок избранных, требовалось вписаться в него, жить по его законам. А вся жизнь в версальском «раю», вся политика, мораль, отныне закручивались вокруг личности короля. Людовик сумел поставить себя на уровень живого божества.

Каждое действие от пробуждения короля до сна превращалось в ритуал. Устанавливалась сложная иерархия. Например, подавать королю утром сорочку, а вечером – ночную рубашку должны были принцы крови. Им, в свою очередь, обязаны были оказывать почести аристократы более низкого ранга, аристократам – простые дворяне. Ночной горшок Людовика выносили под конвоем четырех дворян, марширующих со шпагами наголо.

Он добился своего. Вместо обычных для Франции заговоров против короля знать теперь грызлась за его милости! Бешено интриговала за право продвинуться в версальской иерархии. А женский персонал дворца Людовик считал собственным «гаремом», резвился, как петух в курятнике. Но это считалось немыслимой удачей, подсунуть жену или дочь в объятия короля. Да что там короля! Почтенные отцы семейств были счастливы определить родственниц в постели любых влиятельных сановников. В общем, Людовик сумел перевернуть саму психологию французов. Вместо идеала нищего, но гордого дворянина, хватающегося за шпагу при малейшем нарушении «чести», стали престижными роли лакеев, шутов и проституток.

Людовик выступал покровителем науки и искусства. Под эгидой короля действовали Французская академия (литературная), академия живописи и скульптуры, возникла академия наук. Талантливые художники, поэты, композиторы, драматурги, получали хорошие заказы, высокую оплату. Это было отнюдь не случайно. Таланты требовались королю, чтобы поярче и разнообразнее разукрасить свою «сказку». А знать подражала монарху, и спрос на искусство становился частью общей моды на роскошь. Мало того, Людовик осознал, что искусство можно сделать инструментом большой политики. Все страны должны были восхищаться блеском Франции – а тем самым признавать ее первенство.

Это удавалось в полной мере. Пышность версальского двора слепила других европейцев. Франции завидовали, смотрели на нее снизу вверх. Распространялась мода на французскую культуру и искусство. Европейские монархи стали подражать Людовику. Тоже приня-

лись строить дворцы, разбивать парки с фонтанами, внедрять балы, балеты, французский этикет. Английские и немецкие авторы начали писать по-французски – родные языки казались им недостаточно утонченными. А попутно французский язык завоевывал статус «международного», на нем стали говорить и писать дипломаты.

Но культурной экспансией Людовик не ограничивался. Он нацелился ни больше ни меньше как на европейское и мировое господство. Еще со времен Ришелье Франция создала развитую систему дипломатии, втягивала под свое влияние итальянские и германские государства. А Людовик XIV взялся наращивать вооруженные силы, привлекал лучших военных специалистов. Французская армия достигла 110 тыс. солдат, ее оснастили самым современным вооружением. Начались нападения то на Германию, то на Нидерланды. Сам король выезжал на войну, как на пикник, с женой и несколькими фаворитками. Талантливый военный инженер де Вобан специально разыгрывал для Людовика «красивые» осады городов. Целый корпус «инженеров короля» под научно выверенными углами подводил к стенам траншеи и апроши, артиллерия под научно выверенными углами била стены, саперы подкапывались минами, и в заранее определенный день крепость сокрушалась. Словом, зрелище получалось ярким и острым, куда интереснее, чем в театре.

Французы в оккупированных странах вели себя самым свирепым образом. Грабили и убивали всех подряд, оставляли за собой руины городов и пепелища сел с горами трупов. А Людовик уже раскатывал губу на корону Германской империи. Откровенно строил проекты, что граница его владений должна пройти по Эльбе. Надеялся прибрать к рукам Италию, присматривался к слабеющей Испании. При своем правительстве король сформировал особую группу чиновников, «палату присоединения». Они рылись в архивах, выискивали в старых документах предлоги для захвата тех или иных земель.

Но Людовик в своих агрессивных планах опирался не только на собственные силы. У Франции имелись могущественные союзники. Одним из них традиционно считалась Османская империя. Дружбу с ней французские короли добросовестно поддерживали с XVI столетия. А Османская империя была не в пример больше и сильнее современной Турции. Она включала в себя Балканы, половину Венгрии, Ближний Восток, Ирак, Северную Африку. Перед турками трепетали все соседи, их называли «потрясателями вселенной».

Возвышение и усиление России во Франции заметили, сделали собственные выводы – Москву отметили в качестве потенциальной соперницы. А по традициям французской дипломатии, заложенным Ришелье, соперникам требовалось пакостить, ослаблять их, лучше всего – чужими руками. В период русско-турецкой войны Людовик прислал султану команду лучших инженеров, учеников де Вобана. Хотя им довелось испытать вместе с турками горечь поражений. Глава миссии Делафер-паша (граф де Ла Фер) погиб в сражении под Чигирином.

А разгромленную Польшу французский король задумал перетащить под свое покровительство. Для этого и для дальнейших операций против России Людовик заключил весьма полезный альянс с орденом иезуитов. Интересы ордена и Франции в данном случае совпадали. В закулисных католических кругах даже вызревала идея сделать ставку на Людовика. Может, и впрямь будет полезно, если он перехватит императорскую корону у слабеющей династии Габсбургов? Подопрет ослабевшую Польшу, возвратит ей утраченные территории – а со временем, глядишь, создаст мощную католическую империю, проложит ей пути на восток...

Для борьбы за европейское господство Людовик рассчитывал и на другую давнюю союзницу – Швецию. Эта держава тоже была гораздо больше нынешней. Шведы успели пожить и российскими, и польскими, и датскими владениями. В период Тридцатилетней войны (1618–1648) они по французскому «заказу» вообще перевернули Европу вверх дном. Но и себя не забыли. Возникла обширная Балтийская империя. Кроме собственно Швеции в ее состав входили Финляндия, Карелия, Ингрия, Лифляндия (Эстония и Северная Латвия),

Северная Германия. А некоторые немецкие государства, вроде Голштейн-Готторпского герцогства стали вассалами Швеции, целиком зависели от нее.

Швеция, в отличие от Франции, не могла похвастать ни роскошью, ни развитием искусства. Это была весьма отсталая аграрная страна. Но ее армия считалась лучшей в Европе. В большинстве западных стран в описываемую эпоху войска были наемными. В солдаты вербовали всех желающих, бедноту, бродяг, иностранцев. Швеция ввела рекрутскую систему, передовую для своего времени. Вся территория государства была разделена на участки-индельты, на городские и сельские округа. Каждая индельтаставляла и снаряжала одного солдата, каждый округ формировал полк. Это обеспечивало 64 тыс. солдат.

Когда армия уходила на войну, по индельтам проводилась вторая мобилизация, собирали еще 64 тыс. Они оставались на родине, охраняли ее и служили резервом. В вооруженных силах служили и наемники. Но их качество отличалось. Были вспомогательные «второсортные» части. А были отборные – королевская гвардия и драбанты (лучшая конница). Имелся и сильный флот. В целом же Швеция могла выставить около 160 тыс. солдат и матросов.

Но столь явный перекося в военную область при отсталом хозяйстве вызвал и другие перекося – социальные, экономические, политические. В постоянных войнах, в победоносных походах, расширявших Шведскую империю, основной выигрыш достался на долю дворян. Они были офицерами, командирами, им доставалась львиная доля трофеев и военной добычи. Короли награждали их за те или иные отличия, раздавали казенные земли – а в результате казенных земель почти не осталось. Приток налогов снижался, казна была пуста.

Разжиревшее дворянство подмяло под себя торговлю. Оно заседало и в парламенте-риксдаге, регулировало законы в свою пользу. Так, в 1671 г. были приняты новые законы о землевладении. Отныне крепостными крестьянами признавались не только дети крепостных, но и вольные, поселившиеся на землях помещика. Причем крепостные объявлялись полной собственностью землевладельца, он мог их продавать, дарить, отдать за долги. Имел и право «домашнего наказания», то есть порки. Хотя порка оказывалась понятием растяжимым. Например, жена генерала Крейца выстраивала дворовых крестьян с палками и гоняла провинившихся сквозь строй, забивая насмерть.

Но для себя шведские дворяне силились расширить «свободы». Чтобы самим заправлять государством – как в Польше, как в Англии. Однако король Карл XI вовремя обратил внимание на опасные тенденции и пресек их железной рукой. Прижал парламентариев, разогнал и переказнил слишком осмелевшую оппозицию, и заставил риксдаг принять новые законы о королевской власти. Утверждались права «самодержавного, всем приказывающего и всеми распоряжающегося короля, ни перед кем на земле не отвечающего за свои действия»! Даже простое несогласие с монархом теперь могло квалифицироваться как «измена» и повлечь смертную казнь.

Обретя почти неограниченные полномочия, Карл XI принялся выправлять свои финансы и экономику. Налоги он резко поднял. Например, в Эстонии они выросли в 2,5 раза, в Латвии – в 5 раз. Это обернулось восстаниями. Хотя противостоять профессиональным войскам голодные крестьяне никак не могли. Предводителям дробили кости на колесе, рядовых мятежников вешали или отправляли гребцами на галеры. Но король взялся не только за крестьян. Он решил перешерстить и дворянскую собственность. Объявил «редукцию» – начал проверять земли, которые пораздавали его предки. Решения принимал сам Карл, поэтому большая часть пожалований признавалась незаконными и конфисковалась. Помещики взвыли, но спорить было себе дороже. Дворянин Паткуль всего лишь отправил королю письмо, возражая против редукции, и за это был приговорен к отсечению руки и головы.

Что ж, мы с вами обрисовали коалицию французских союзников. Коснемся и противников. На протяжении всего XVII столетия захватнической политике французских королей

противостояла Испания. Но постепенно она слабела, выдыхалась. Здешние провинции, в отличие от французских, сохраняли значительную самостоятельность. Сключничали с центральным правительством и друг с другом.

Препятствием для французской экспансии оставалась и Германская империя. Точнее, империя была понятием довольно условным. Она была разделена на три сотни княжеств, королевств, вольных городов. Теоретически они признавали над собой императора из династии Габсбургов, но фактически не обращали на него особого внимания. Реальными же владениями императора оставались Австрия, Венгрия, Чехия, часть Хорватии. Управляли ими крайне неумело, в бюджете никогда не могли свести концы с концами. Чтобы заткнуть одну дыру, дергали деньги из другой.

Столица империи – Вена была небольшим и довольно бедным городом. А императорский дворец Хофбург даже близко не лежал к Версалью. Он представлял собой беспорядочный лабиринт старых, запущенных зданий, строившихся в разные времена, некоторые были в аварийном состоянии. На престоле в данное время находился кесарь Леопольд. К правлению он не готовился, занял трон вместо умершего брата. Сам себя Леопольд считал в первую очередь композитором. Чтобы заняться любимым делом, он всячески уклонялся от государственных обязанностей. Сваливал их на министров и исчезал помузицировать. От этого проблемы еще больше запутывались.

Но бедность и бесхозяйственность в Вене старательно прикрывали чрезвычайной внешней помпой. Всеми силами старались подчеркнуть – королей много, а император единственный! Церемонии в Хофбурге были возведены в абсолют. Вот тут уж даже Людовика переплюнули! На каждый день, на каждый случай жизни существовал детальный сценарий. Кто из участников церемоний во что одет, какие слова должен произнести, сколько шагов сделать. Например, красные туфли и чулки полагались только императору, за нарушение полагалась смертная казнь. Там, где проходил или проезжал император и даже при упоминании его имени все были обязаны опускаться на одно колено.

Что ж, германские князья не отказывались от знаков внешнего уважения, признавали его почетным главой. Хотя о реальном подчинении никакой речи не было. В Германии к концу XVII в. выделилось несколько сильных государств. Одним из них стал Бранденбург. Его властитель, курфюрст Фридрих Вильгельм, сумел заполучить Пруссию – прежде она входила в состав Польши. В ходе войн и дипломатических баталий, перекраивавших Германию, он добился передачи еще нескольких разнородных клочков владений. Образовалось заметное государство. Правда, оно жило скромненько, земли были неплодородными, их называли «песочницей Германской империи». А столица Бранденбурга Берлин оставался захудалым городком с населением 15 тыс. человек.

Но Фридрих Вильгельм подобрал толковых чиновников, отладил систему управления. Версальской моде на роскошь курфюрст не поддавался. Дворцов не возводил, балов не устраивал, деньги расходовал очень экономно. А в качестве специализации своей бедной страны он выбрал военное дело. Сформировал и обучил 30-тысячную армию, начал предоставлять ее властителям, готовым заплатить. Армия в качестве «государственного предприятия» – это оказалось выгодно. Войска не только окупали себя, но и приносили солидную прибыль!

Еще одним крупным государством в Германии стала Саксония. Вот она-то была полной противоположностью Бранденбурга. Плодородные почвы, богатейшие месторождения полезных ископаемых, развитая промышленность, международные центры торговли – Лейпциг и Дрезден. Это была страна солидных предпринимателей, купцов, искусных ремесленников. При таких доходах и властители могли жить припеваючи. Но и курфюрст Саксонии Август II Сильный был полной противоположностью прусского Фридриха Вильгельма.

Кстати, Сильным его прозвали не за военное могущество, не за политику. Он был сильным физически, умел гнуть подковы, а кроме того, проявлял чрезвычайную выносливость

с женщинами. Историки насчитали у него 120 только «официальных» любовниц, а количество побочных детей курфюрста достигло 354. Случайные связи вообще учету не поддаются. «Французские» моды и нравы Август перенял в полной мере. Забрасывал все дела, предаваясь праздникам и представлениям. И если по роскоши сравняться с Людовиком все же не мог, то по разврату его двор обогнал даже Францию, считался самым распущенным в Европе. Когда приезжали в гости соседние немецкие властители, Август сам провожал их в спальни и представлял «подарки» – на кроватях возлежали обнаженные придворные дамы. А жена курфюрста, даром что строгая протестантка, ничуть не смущалась столь откровенными забавами мужа.

При таких тратах даже в богатой Саксонии на придворные расходы не хватало денег. Но Август был «просвещенным» властителем, уважал науку. Пытаясь выпутаться из долгов, он содержал алхимиков и чернокнижников, обещавших найти «философский камень», способный превращения любых веществ в золото. С «философским камнем» не получилось, зато алхимики случайно изобрели знаменитый саксонский фарфор. Его производство стало приносить неплохие доходы.

Другие германские государства, Баварию и ряд мелких княжеств, Франция перетянула на свою сторону. А кайзера Леопольда и подданных, остававшихся верными ему, могла раздавить без особых проблем. Но она неожиданно споткнулась о Нидерланды! Эта держава тоже была чрезвычайно богатой. Еще в XVI в. тут победила так называемая буржуазная революция. Под флагом радикальных религиозных учений власть захватили олигархи. Ресурсы государства они использовали для создания мировой колониальной империи, захватывали под себя международную торговлю. В Голландии сосредоточились основные мировые банки той эпохи, биржи, оптовые рынки, крупнейшие судостроительные заводы, мануфактуры.

Но представлять эти явления «прогрессивными» было бы весьма опрометчиво. Наоборот, нидерландская промышленность оставалась крайне консервативной. Новшества внедрялись туго и редко. Хозяева и без того удерживали монополию, что-либо менять не видели смысла. Сверхприбыли предпочитали выжимать из собственного простонародья. Заработная плата голландских рабочих, корабелов, матросов, была самой низкой в Европе.

Высшим органом власти в Нидерландах являлись Генеральные Штаты – коллективный совет крупнейших олигархов. Был и персональный правитель, штатгальтер, что-то вроде пожизненного президента. Толстосумы всегда опасались, как бы он не перехватил власть, пытались вообще упразднить эту должность. Но на столь завидную добычу, как Нидерланды, положил глаз Людовик XIV, раз за разом повторялись опустошительные нашествия. Это вынуждало подлинных хозяев страны считаться со штатгальтером Вильгельмом Оранским, предоставить ему значительные полномочия.

Он оправдывал эти надежды. Вильгельм был талантливым военачальником, умелым политиком и дипломатом. По своему мировоззрению он был убежденным протестантом-кальвинистом. Верил в предопределение – что суждено, то все равно случится, поэтому оставался спокойным в любых катастрофических ситуациях. Но после варварских французских вторжений Оранский пришел к убеждению, что главная его миссия на земле – сокрушить агрессию Людовика. Этой задаче штатгальтер отдавал себя без остатка. Создал Аугсбургскую лигу – антифранцузский союз с императором, Испанией, привлек Ганновер, Данию...

За Англию боролись обе коалиции, старались так и эдак перетянуть на свою сторону. Но и в самой Англии не утихали буйные политические дразги. Эта держава, как и Нидерланды, пережило буржуазную революцию. Причины были аналогичными, местные финансовые и торговые тузы вздумали сами заправлять государством. Но британская революция вылилась в слишком крутые и разрушительные смуты, жестокую диктатуру Кромвеля, и

после его смерти британская деловая верхушка предпочла восстановить монархию. Снова позвала на престол династию Стюартов, только постаралась ограничить ее власть.

Но это вылилось в новые конфликты. Парламент пытался сделать короля Карла II послушным исполнителем своей воли, а финансирование всячески сокращал. Королю это не нравилось, он распускал парламент, запрещал оппозиционные политические кружки. Оппозиция, в свою очередь, отвечала нападками. Причем самыми удобными для этого оказывались религиозные ярлыки. Карл II вроде бы не выходил за рамки договоренностей, достигнутых при реставрации монархии. Действовал строго в рамках закона – он всего лишь хотел, чтобы британские дельцы и политики не наглели. Тем не менее, для него нашли обвинение. Клеймили его, будто он покровительствует католикам.

Хотя на самом деле верхушка английской «общественности» уже осознала, что раздвигать восстания под религиозными лозунгами себе дороже. Открывается дорога фанатикам и сектантам, возбуждается чернь, крушит все подряд. Но олигархи открыли для себя другие учения. Ими поделились каббалисты, оккультисты. Учения были тайными, сугубо для «избранных», но британская элита как раз и считала себя избранными. Она стала создавать особые организации. Масонские ложи. Они были как бы вне политических партий, вне религий. Таким образом, не попадали под запреты. Но люди, входившие в них, вырабатывали общую политику, проталкивали на ключевые посты нужных людей.

Хроническим безденежьем Карла II стал пользоваться Людовик XIV. Выплачивал крупные субсидии – и тому волей неволей приходилось дружить с Францией. Но у Карла II не было законных детей. Наследником престола считался брат Яков. Он командовал королевской армией, был человеком боевым, решительным, и потакать капризам оппозиции не собирался. Во втором браке он женился на католичке Марии Моденской и сам перешел в католицизм. Парламент поднял возмущенный вой, лишил его права наследования. Но в 1685 г. Карл II умер, и Яков плюнул на это решение. В армии его любили, среди лондонцев он пользовался большим авторитетом и уверенно сел на трон.

Недовольные подняли было мятеж, но большинство англичан поддержало Якова. Бунт он сурово подавил, перевешал более 300 человек. Оппозиционную партию вигов запретил, активистов пересажал по тюрьмам. Парламент вообще разогнал и начал править без него. Сам определял, какие расходы ему требуются, какие налоги собрать. Издал «Декларацию веротерпимости», отменил законы против католиков и дозволил назначать их на государственные посты. Семь англиканских епископов выступили с протестом, но Яков обвинил их в призыве к мятежу и арестовал.

Оппозиция поджала хвосты, не смела пикнуть. Утешала себя, что Яков не вечен. Надо дожидаться, когда он умрет, и все уладится. А в семье у него запутался такой клубок, что впору было за голову схватиться. У второй жены короля детей не было, а от первого брака подросли две дочери, Мария и Анна. Карл II по настоянию парламента воспитал обеих в протестантской вере. Но религия и политика густо перемешались с проблемами иного сорта.

К Марии посватался штатгальтер Нидерландов Вильгельм Оранский. Причем сам он был гомосексуалистом, переживал нежный роман с графом Альбемарлем. Но надеялся таким образом вовлечь Англию в союз против Франции. Марию за Вильгельма выдали, однако надежды его поначалу не осуществились. Наоборот, при Якове Англия ориентировалась на абсолютистские державы: Францию и Швецию. Ну а вторая дочка Якова, Анна, увлеклась вдруг... фрейлиной королевы Сарой Дженнингс. История вышла слишком скандальной, и ее постарались завуалировать браками. Анну выдали за принца Георга Датского. Реальных прав на престол Дании он не имел, был человеком совершенно пустым, околачивался в Англии без дела и сильно пил. А на Саре вызвался жениться один из молодых военачальников – Джон Черчилль. Для карьеры ход оказался блестящим! Он попал в семью

короля, стал чуть ли не родственником. Яков был благодарен за такую преданность, Черчилль стал его доверенным лицом, возглавил армию.

Но в 1688 г. королева Мария Моденская родила ребенка. Оппозицию это вогнало в шок. Появился католический наследник престола! Вот тут-то оказались очень кстати внепартийные структуры и связи. Массонские. Раньше партии тори и вигов считались непримиримыми врагами. А теперь они вдруг объединились. Их лидеры обратились к старшей дочери короля, Марии. Не хочет ли она заменить отца на престоле? Марии ее жизнь в Нидерландах не нравилась, а любви к отцу она не испытывала. Рассудила, почему бы и не стать английской королевой? Но английский престол был слишком уж ненадежным. Она ответила, что примет корону только вместе с мужем.

Для заговорщиков это подходило как нельзя лучше. У Вильгельма Оранского были армия, флот. Но и он поставил британцам условие – Англия должна вступить в союз против Франции. Оппозиция тоже составила список условий, о расширении прав парламента. Поторговались и сошлись. 12 тыс. солдат Оранского внезапно высадилось на британском берегу. Яков II очень удивился, поручил командовать армией своему личному другу, Черчиллю. Но тот предал благодетеля. Привел армию к Оранскому и перешел на его сторону. Якову пришлось бежать за границу, а парламент провозгласил совместное правление Вильгельма III и Марии II. Эту революцию британские историки называли «славной». Видимо, из-за того, что она заложила принципы британской конституционной монархии. А может, по другой причине – из-за того, что она была массонской.

Вот такой была Европа во времена, о которых мы ведем рассказ. Кстати, если уж упомянуть о западной культуре, то не мешает помнить – представления о ней обычно преувеличиваются. Картины изысканного утонченного общества внедрялись в наше сознание значительно позже, из романов Дюма и популярных художественных фильмов. О какой уж культуре можно было вести речь, если в Европе до сих пор не прекращалась средневековая «охота на ведьм»? В 1660-х годах облавы и расправы прокатились по Германии, в 1670-х – по Швеции. В Далекарлии сожгли 99 человек, в провинции Ангерманланд – 75, примерно столько же в Стокгольме и провинции Упланд. А во Франции в конце 1670-х гг. при королевском дворе обнаружилась большая секта сатанистов. Причем выяснилось, что в жутких ритуалах с жертвоприношениями младенцев участвовали весьма высокопоставленные лица, даже королевская фаворитка мадам Монтеспан. Ее и нескольких знатных сановников Людовик пощадил, только удалил от двора. 36 сектантов и сектанток сожгли, а 81 король приговорил к пожизненному заточению и молчанию. Повелел тюремщикам держать их в цепях и немилосердно пороть, если попробуют заговорить – чтобы скандальная правда не выплыла наружу.

Между прочим, подобные процессы доставляли немало радостей обывателям. Публичные казни во всех европейских странах были частым и популярным зрелищем. Путешественник по Италии писал: «Мы видели вдоль дороги столько трупов повешенных, что путешествие становится неприятным». А в Англии казнили бродяг и мелких воришек, утащивших предметы на сумму 5 пенсов. Приговоры единолично выносил мировой судья, и в каждом городе в базарные дни собирались толпы зевак – смотрели, как вешают очередную партию провинившихся.

Были и более безобидные забавы. Свирепствовало пьянство. Современник, О. Шервин, описывал Англию: «Пьянствовали и стар, и млад, притом, чем выше был сан, тем больше человек пил. Без меры пили почти все члены королевской семьи... Считалось дурным тоном не напиться во время пиршества... Привычка к вину считалась своего рода символом мужественности во времена, когда крепко зашибал молодой Веллингтон, когда протестант герцог Норфолкский, упившись, валялся на улице, так что его принимали за мертвеца... В Лондоне насчитывалось 17 тыс. пивных, и над дверью чуть ли не каждого седьмого дома красовалась

вывеска, зазывавшая бедняков и гуляк из мира богемы выпить на пенни, напиться на два пенни и проспать на соломе задаром».

Грамотность в католических странах составляла 10–15 %, в протестантских – 20–30 % (поскольку там читали Библию на родном языке). А блестящая мишура прикрывала чудовищную грязь. Даже король Людовик XIV (как и его отец и дед) почти не мылся. Вши, ползающие по пышным нарядам кавалеров и дам, считались нормальным явлением. «Сборник правил общежития», изданный при Людовике, учил «причесываться раньше, чем идти в гости, и, будучи там, не чесать головы пятерней, чтобы не наградить соседей известными насекомыми». Тот же сборник рекомендовал «ежедневно мыть руки, не забывая сполоснуть и лицо».

Правилам хорошего тона отнюдь не противоречило высморкаться в рукав, а остроумной шуткой при дворе считалось плюнуть в рот спящему. Королевские обеды напоминали вульгарную обжираловку. И если в России в богатых домах испокон веков пользовались вилками, то во Франции (как и в Швеции, Германии) их еще не знали, Людовик, как вспоминали современники, «всю жизнь ел исключительно с помощью ножа и собственных пальцев». За столом он забавлялся, швырялся в присутствующих, в том числе в дам, хлебными шариками, яблоками, апельсинами, приготовленным салатом.

Между прочим, в Версале не имелось ни одной ванны, даже для короля. И туалетов не было. В западных странах они существовали только у англичан, их переняли то ли у русских, то ли у турок. Во Франции пользовались горшками. Горожане выплескивали их из окон прямо на улицу, выбрасывали и другие отходы. Приближение к большому городу путники определяли по смраду, и особенно славился своей вонью Париж. А во дворцах и больших домах горшков не хватало. Кавалеры и дамы оправлялись где придется. Принцесса Пфальцская писала: «Пале-Рояль весь пропах мочой». Из-за этого двор периодически переезжал – из Версаля на время перебирались в Лувр, в Пале-Рояль, Фонтенбло, а оставленную резиденцию мыли и чистили.

В Швеции жили почище, ходили в баню. Но о культуре тоже не слишком заботились. У Карла XI подрастал наследник, своевольный и буйный. Кушал он только руками, масло намазывал на хлеб пальцем. Пулял вишневыми косточками в физиономии министров. Устраивал шуточки в парламенте – во время заседания приказывал запустить туда зайцев и врывался охотиться на лошади, с собаками. Иногда в Швецию приезжал в гости юный герцог Фридрих Голштейн-Готторпский, будущий король Дании. Мальчики устраивали состязания, на спор рубили саблями головы овцам. Или проказничали, носились верхом по улицам Стокгольма, на полном скаку срывали шпагами шляпы граждан, стреляли из пистолетов по окнам. Так отметился в истории грядущий завоеватель Карл XII.

6. Время перестроек

Обретя в стране почти полную власть, Софья Алексеевна уверенно взяла курс на расширение и углубление западных реформ. В Москве торжествовали польские моды. Знать гонялась за импортными духами, мылом, перчатками. Среди дворян началось повальное увлечение составлением гербов – прежде их имела только высшая знать. При дворе функционировал театр, Софья сама сочинила несколько пьес для него. Любила она и поэзию, писала стихи. Ей исполнилось 25 лет, она была полноватой, но довольно миловидной дамой. Причем царевна подавала пример не только в отношении западной культуры, но и нравственности – ее окружение жило вполне «по-европейски». Свою связь с Голицыным правительница фактически не скрывала. Отдала под начало фавориту ключевые посты во внешней политике, в армии. Он возглавил Посольский, Разрядный, Рейтарский и Иноземный приказ, для него был восстановлен высший в России титул канцлера – «Царственные Большая печать и государственных великих посольских дел оберегателя».

Но царевна не постеснялась завести и второго любовника – Федора Шакловитого. Если властительнице это нравится, если она считает такое положение полезным, почему бы и нет? Шакловитый стал начальником Стрелецкого приказа и командовал личной охраной Софьи. Вознесся и Сильвестр Медведев, теперь он выступал наравне с высшими церковными иерархами.

Среди простого народа Софья попыталась поднять свою популярность. Она снизила налоги. Пошла на уступки городам, вернула им часть отнятых прав земского самоуправления. Люди встретили такие преобразования с радостью. Но послабления и льготы тонули в реформах другого сорта. Развернулось повальное закрепощение государственных крестьян: Софья награждала любимцев, силилась привязать к себе бояр, военных командиров – раздавала им пожалования на сотни и тысячи крестьянских дворов.

Наметились и сомнительные преобразования в духовной сфере. Федор Алексеевич при всех его польских увлечениях все-таки чувствовал грань, за которую реформы переходить не должны. Группировка Софьи и Голицына взялась ломать любые ограничения. Не считаясь с мнением патриарха, они разрешили в стране католическое богослужение. В Россию был дозволен въезд иезуитам, и канцлер принимал их даже в частном порядке, у себя дома, «часто беседовал с ними». О чем? Причина подобной тяги к русским правителям могла быть только одна, и она известна. Сильвестр Медведев, как и его покойный учитель Полоцкий, тянул страну к унии. Иезуит де Невиль свидетельствовал, что Голицын был его единомышленником.

Кстати, новые властители увлекались и другими учениями: магией, астрологией. Это в полной мере вписывалось в западные моды. В данную эпоху оккультными веяниями были заражены и французская, и итальянская, и польская знать. Как вспоминал князь Щербатов, Голицын «гадателей призывал и на месяц смотрел о познании судьбы своей». Появление возле Софьи Шакловитого встревожило канцлера. Он достал у некоего кудесника особые травы «для прилюбления» правительницы. А потом быстренько осудил этого кудесника и сжег – чтобы не разболтал. Софья тоже отдавала дань подобной моде, Голицын и Медведев набрали для нее целый штат астрологов и «чародеев», вроде Дмитрия Силина, гадавшего по солнцу и другим знаменам.

Перед Западом канцлер благоговел. А родные обычаи не просто презирал, но и другим внушал такое же отношение. В 1683 г. готовилась к переизданию не какая-нибудь книга, а Псалтирь! Голицын поручил своему подчиненному, переводчику Посольского приказа Фирсову, написать предисловие. В частности, священную для каждого православного человека книгу предваряли слова: «Наш российский народ грубый и неученый». Среди русских на

самом высоком уровне внедрялась мода на самооплевывание! Зато канцлер преклонялся перед... Францией. Заставил сына носить на груди миниатюрный портрет Людовика XIV! Не святого, не царя или мыслителя, а далекого и чуждого короля!

Но спорить с Голицыным было трудно. Он вошел в огромную силу. Смещал и ссылали неугодных, осыпал милостями угодивших. Канцлер никогда не забывал и собственный карман, честностью он никогда не отличался. Мало того, что Софья щедро ублажала фаворита, он и сам хапал будь здоров. И вот он-то в полной мере перенял «версальскую заразу» роскоши. Отгрохал дворец, по описанию иностранцев, «один из великолепнейших в Европе», «не хуже какого-нибудь итальянского князя». Крышу покрыли сверкающими листами меди, покои украшало множество картин, статуй, гобеленов, изысканная посуда.

Стоит ли удивляться, что московская аристократия кинулась подражать ему? В столице повсюду возводили новые дома. Потолки расписывали астрологическими картами, стены – голыми Дианами и Венерами. А верхом респектабельности для вельмож стала покупка «иномарочной» кареты. Доставлять эти колымаги из-за рубежа было трудно, стоили они безумно дорого. Да и удобство по сравнению с русскими повозками и санями было сомнительным – тогдашние кареты не имели рессор, на ухабах в них кишки вытряхивало, они часто ломались. Но их приобретали за бешеные деньги для парадных выездов.

Канцлер требовал от знати, чтобы она непременно нанимала для своих детей иностранных учителей. Возобновились проекты создания Славяно-греко-латинской академии, возглавить ее целился Медведев. Однако в данном отношении патриарх все-таки сумел переиграть реформаторов. Потянув некоторое время, он благословил создание академии. Но оказалось, что сам патриарх, пока суд да дело, успел пригласить в Россию руководителей нового учебного заведения, братьев Лихудов – очень образованных греков, твердых в православии.

Что ж, если с московской академией замыслы не удались, то Голицын принялся отправлять русских юношей для обучения в Польшу, в Краковский Ягеллонский университет. Хотя стоит иметь в виду: это учебное заведение не готовило ни технических специалистов, ни врачей. Оно выпускало богословов и юристов. Нетрудно понять, что западное богословие и юриспруденция могли понадобиться временщику лишь в одном случае: он хотел подготовить кадры для грядущих церковных и государственных преобразований.

Проекты таких преобразований уже существовали. Канцлер составил трактат «О гражданском бытии или о поправлении всех дел, яже надлежат обще народу», читал его Софье, приближенным, чужеземцам. Рукопись не дошла до нас, и точного содержания мы не знаем. Но трактат вызвал непомерные восторги у де Невиля – иезуита и французского шпиона, которого направили в Москву Людовик XIV и руководитель его разведки маркиз Бетюн. Сам факт восхвалений со стороны подобного деятеля, а также очень любезное отношение к Голицыну римского папы, поляков (и последующих либеральных историков) представляются весьма красноречивыми. Новое правительство готовило именно такой поворот, которого уже два столетия добивались враги России – разрушение национальных традиций и подрыв православия.

Но существовали и серьезные препятствия. Ведь Софья была всего лишь регентшей – законными царями оставались Иван и Петр. Правда, Нарышкиных оттеснили на задний план. Вдовствующая царица Наталья опять удалась из Кремля, жила с сыном в Преображенском. Но вокруг нее группировалось большинство бояр, патриарх. Избавиться от Иоакима Софье очень хотелось. На его место существовала куда более удобная кандидатура, Медведев. Однако сместить патриарха на Руси было очень сложной задачей. Только тронь его, и неизвестно, чем дело кончится. Поддержат бояре, на призыв патриарха откликнется войско, народ. Правительница не считала свое положение настолько прочным и предпринимать какие-либо меры против Иоакима даже не пыталась. Замыслы Голицына так и остава-

лись рукописью, пригодной только для чтения в узком кругу. А реформаторам приходилось полагаться на время, ждать, когда Иоаким преставится.

Но ведь время работало против них! Петр подрастал. Он был любознательным, смелым. Любил играть в войну. Холопы и дети придворных становились его «потешными». В Москву его привозили только на официальные торжества, и в 1684 г. он приехал на крестный ход в день Преполовления. Петр живо разговаривал с патриархом. Расспрашивал, в чем смысл совершаемых обрядов, когда они установлены. А потом бояре повезли мальчика на полигон Пушечного двора посмотреть стрельбу. Петру понравилось, и он настоял, чтобы ему самому разрешили пальнуть. Выстрелил и начал требовать – пускай его научат артиллерийской премудрости.

Быстренько пошарили вокруг – кто из офицеров имеет подходящее образование? И подвернулся голландец, поручик Франц Тиммерман. Он начал преподавать царю баллистику, фортификацию, геометрию. Привлек еще одного офицера, швейцарца Лефорта. А Наталья, как и прежде, мало занималась сыном. У нее находились более важные дела: посплетничать с приближенными насчет Софьи и Голицына. Принять бояр и патриарха, наезжавших в Преображенское. Они приезжали не к Петру, а к матери. Отдавали дань вежливости мальчику и отсылали, чтобы не мешал взрослым.

Петр по-прежнему рос сам по себе. Вместо образования он хватал по верхам обрывки знаний в разных областях. За книгами засиживался редко. Его энергичную натуру тянуло все попробовать самому. Количество «потешных» росло, их приходилось размещать не только в Преображенском, но и в соседнем селе Семеновском. Так возникли два «полка». Софья не придавала значения играм брата, преображенцев и семеновцев было всего 300 человек, опасности они не представляли. Правительница разрешила выделить для Петра барабанщиков, отпускать ружья – авось братец убьется на своих «марсовых потехах».

А вместе с уроками и забавами Тиммерман с Лефортом рассказывали царю о своих странах. Естественно, приукрашивали. Петр жадно вбирал радужные байки о Европе, дополнял их собственными домыслами. «Потешные» полки распорядился одеть в «немецкую» форму. Для обучения фортификации построил маленькую крепость и назвал ее поиноземному – Пресбург. Ну а для наставников было самым важным попрочнее пристроиться при царе! Они приглашали подростка в гости, в Немецкую слободу, благо от Преображенского было рядышком.

Хотя Немецкая слобода, или Кукуй, представляла собой вовсе не оазис цивилизации, как ее изобразили последующие историки. В Москве она считалась нехорошим местом. Здесь промышляли контрабандой, гнали водку, на Кукуе ее можно было купить в любой час дня и ночи. Многие иностранные офицеры и купцы, жившие здесь, оставили жен на родине, а в слободу съезжались бабенки легкого поведения. Современник писал: «Женщины нередко первые впадают в буйство от неумеренных доз спиртного, и можно видеть их, полуголых и бесстыдных, почти на любой улице». А Лефорта называли «дебошаном». Он имел репутацию самого неумолимого и изобретательного кутилы. Его специально приглашали в компании, чтобы он придумывал всевозможные пикантные развлечения.

В такую «цивилизацию» окунулся и Петр. Для мальчишки открытый им мирок казался веселым, ярким, необычным. На Кукуе он познал первую юношескую любовь, приобрел первый интимный опыт – купец Монс подсунул ему дочку Анну. Самому царю! Это сулило колоссальные выгоды! А натура Петра складывалась крайне противоречивой. Он был искренним патриотом, стойко держался православия и готов был защищать его, рвался к воинским подвигам во славу России. Но одновременно нахлебался зарубежных соблазнов, западные обычаи нравились ему, захватывали. Казалось, что в них нет ничего плохого...

Но пока рулили Софья с приближенными! И для них-то приоритеты расставлялись иначе. Польза России и слава России оказывались совсем не на первом месте. Ярким при-

мером стал вопрос о шелковой торговле с Персией. Она шла через Астрахань и Волгу – а на Западе шелк стоил баснословно дорого. Поэтому шелковая торговля была поистине «золотым дном» для казны, питала ее золотыми ручьями пошлин и прибылей. На Западе шелк стоил баснословно дорого. Англия, Голландия, Франция неоднократно подкатывались к русским царям, чтобы им позволили транзитную торговлю через нашу территорию. Но всякий раз получали отказ. Теперь Голицын спешил угодить чужеземцам и одним махом перечеркнул сложившийся порядок. Предоставил право транзитной торговли Польше. А заодно и Швеции (видимо, за взятку).

Ну а в Европе в данное время запылала большая война. Людовик XIV очередной раз готовил нападение на соседей. Но предварительно решил отвлечь основного противника, австрийского императора Леопольда. Французские агенты возбудили мятеж венгерских баронов. А под предлогом поддержки венгров выступила союзница Людовика – Османская империя. Турки разгромили австрийцев, осадили Вену. Но ее неожиданно спас польский король Ян Собесский. Привел 25 тыс. польских гусар и украинских казаков. Объединил вокруг себя разношерстные немецкие войска, и под стенами Вены турки потерпели сокрушительный разгром.

Тут уж воспрянули духом все, кто хотел бы воевать с Османской империей. Сложилась «Священная лига» из Австрии, Польши, Венецианской республики и Рима. Ее главой признавался римский папа, строились планы наступать на Балканы, отбить у турок Сербию, Грецию, Валахию (Румынию и Молдавию). Но для этого было очень желательно участие русских. В 1684 г. император Леопольд и поляки прислали делегации в Москву, приглашали присоединиться к «Священной лиге».

Большинство бояр и патриарх были против. Россия подписала мир с султаном всего три года назад. Он был выгодным для нашей страны. Османы признали царскими владениями Киев и Левобережную Украину. Наконец-то прекратились набеги крымских татар. А поляки вели себя отвратительно. Они, в отличие от турок, до сих пор числили «своими» Левобережье, Киев и Смоленск, отказывались заключать вечный мир. Имело ли смысл воевать за таких «союзников»? Но Софья и Голицын окрылились перспективами попасть в «Священную лигу» под патронажем самого папы! Не поляки уговаривали русских помочь им, а московское правительство уламывало поляков заключить союзный договор! Два года уламывало, а паны кочевряжились!

Они стали стоворчивее только тогда, когда турки оправались от поражения и принялись трепать Польшу. В мае 1686 г. был подписан «вечный мир». По его условиям Польша отказывалась от притязаний на земли и города, отошедшие под власть царя. А Россия выплачивала ей очередную компенсацию, 1,5 млн злотых, и вступала в военный союз. Откровенно говоря, это выглядело полной нелепостью. Государство вступало в ненужную для него войну и выплачивало колоссальную сумму только за то, что соседи согласились с очевидным фактом утраты своих областей!.. Нет, конечно же, Софья и Голицын не были в политике наивными дилетантами. Пускай «Священная лига» и война с турками не требовались для России, но... они были нужны для правителей России! Царевна и канцлер надеялись при поддержке иностранцев утвердить собственную власть.

В Москве и по всей стране раздули грандиозную шумиху, «вечный мир» с Польшей выставляли величайшей победой нашей дипломатии. Невиданным успехом преподносили и факт вступления в коалицию с западными державами – дескать, оцените, сам папа, сам император, признают нас достойными партнерами! А на волне этой пропагандистской кампании Софья... присвоила себе титул «Всея великия и иных Росий Самодержца». Даже не самодержицы, а самодержца (титула самодержицы не существовало). Сразу же подправили русские монеты. На лицевой стороне начали чеканить, как и раньше, Ивана и Петра, но без скипетров, а на обратной стороне Софью в царском венце и со скипетром. Польский худож-

ник создал ее портрет без братьев, в шапке Мономаха, со скипетром, державой и на фоне двуглавого орла (все эти атрибуты являлись прерогативами царя). Изображение дополняли стихи Медведева, восхвалявшие правительницу. Она сравнивалась с ассирийской Семирамидой, византийской императрицей Пульхерией, английской Елизаветой. С портрета изготовлялись многочисленные оттиски на атласе, шелке, бумаге, их распространяли и по России, и в Европе.

Кстати, вступление в войну России воодушевило народы Балкан. Господарь Валахии и патриарх Сербии прислали обращение к царям Ивану и Петру. Описывали притеснения православных в Османской империи, просили помочь единоверцам... Не тут-то было! Балканские страны Австрия и Венеция застолбили для себя. А Голицыну спустили собственный план: наступать на Крым и отвлекать на себя татарскую орду – ударную силу турок. К тому же союзники жульничали. Молодой боярин Борис Шереметев прибыл с посольством в Вену для ратификации договора. Но на прощальной церемонии он не поленился проверить текст врученной ему грамоты. Прочли и обнаружили, что в договор был вписан лишний пункт о предоставлении в России льгот католическим священникам. Шереметев устроил скандал, настоял на исправлении текста. Как вы думаете, поблагодарили его в Москве? Нет, наоборот! Голицын возненавидел боярина. Отправил служить подальше от столицы, на границу.

Но титула «самодержца» и рекламных портретов было еще недостаточно для укрепления реальной власти. Правители отдавали себе отчет, что старший из царей, больной Иван, не сегодня-завтра может умереть. И что тогда? Дождаться совершеннолетия Петра? Искали, как выкрутиться, и обвенчали Ивана с Прасковьей Салтыковой. Если родится сын, почему бы не провозгласить его наследником? Тогда Петр получится лишним, его можно отодвинуть от трона. Но хилый Иван надежд не оправдывал. У него никак не клеилось с зачатием ребенка. Что ж, Софью даже это не остановило. Она решила на хитрость. Царицу Прасковью убедили, насколько важно родить царевича, и приставили к ней стольника Юшкова, чтобы «помог».

Де Невиль привел в своих записках план, вызревший у Голицына и правительницы. Предполагалось дожидаться, когда у царя Ивана родится сын. После этого можно будет оттеснить Петра от власти, убить или постричь в монахи. Но следующим этапом намечалось избавиться и от Ивана. Ему открыли бы глаза, что ребенок не его. Разыграется грандиозный скандал, и царя подтолкнут уйти в монастырь. На престоле останется Софья. Голицын тоже избавится от супруги, вынудит к пострижению, и женится на правительнице. А патриархом они поставят Медведева, «который немедленно предложит посольство в Рим для соединения церкви латинской с греческой, что, если бы совершилось, доставило бы царевне всеобщее одобрение и уважение».

Но для реализации такого плана требовалась серьезная опора – в первую очередь, среди военных. Софья через Шакловитого пыталась разузнать, поддержат ли ее стрельцы, если она захочет короноваться? Тот прозондировал почву и доложил – не поддержат. К реформам в народе относились настороженно, а власть царевны воспринимали как временную. Ждали, когда же на престол взойдет настоящий царь. Софья и ее приближенные все-таки надеялись переломить ситуацию. Требовались победы! Триумфы, трофеи, награды! Армия будет славить их, встанет стеной за таких властителей.

В 1687 г. Голицын лично возглавил армию для похода на Крым. В победе он не сомневался. По росписи Разрядного приказа предполагалось собрать 113 тыс. пехоты и конницы, да еще 50 тыс. украинских казаков гетмана Самойловича. Как же татары смогут противиться несметным силам? И тут-то выяснилось, что великолепные войска Алексея Михайловича за годы перестроек совершенно развалились! Их не обучали, денег не платили, оружие выходило из строя, в полках было полно «мертвых душ». Армию собирали с задержками в два месяца, и вместо 113 тыс. явилось лишь 60 тыс. Почти половина оказалась в «нетчиках»!

А канцлер оказался никудышным военачальником. Усугубил положение грубейшими просчетами. Армия долго ползла по жаре через безводные степи. Когда с невероятными трудностями приблизились к Крыму, татары подожгли траву. Пришлось поворачивать назад. Не вступая в бой, потеряли 24 тыс. человек – умершими от жары, изнурения, болезней, многие дезертировали.

Чтобы хоть как-то сохранить лицо, Голицын постарался найти козла отпущения. Намекал для этого украинского гетмана Самойловича. Канцлер его давно не любил, он с самого начала выступал противником вступления в войну, критиковал планы похода на Крым и ошибки главнокомандующего. Но генеральным есаулом (первым заместителем) у Самойловича служил наш знакомый – Мазепа. Ранее уже описывалось, как он изменил полякам, изменил гетману Дорошенко. На российской службе образование и опыт Мазепы вполнегодились, но он неизменно встревал в те или иные грязные истории. Для Голицына такой тип оказался очень кстати. Мазепа состряпал донос, будто гетман изменил, тайно подыгрывал татарам. Самойловича арестовали и сослали в Сибирь.

Плоды интриги ее авторы «честно» разделили. Голицын единолично, без всяких выборов, поставил Мазепу гетманом Украины. Тот щедро отблагодарил покровителя – передал ему личные богатства Самойловича, да еще и украинскую войсковую казну. Устранив неуютную фигуру и оправдавшись, канцлер вдобавок сказочно поживился! Ну а Софья, в свою очередь, постаралась подсластить пилюлю. Она объявила, что поход-то, оказывается, был удачным! Сыграл важную роль, отвлек татар от союзников. Все генералы и офицеры получили щедрые награды. Но обмануть народ не получалось. Распространялись слухи о катастрофе. Росло дезертирство из армии. В общем, вместо укрепления авторитета, он зашатался еще больше! А восстановить его можно было только одним способом. Все-таки дожать, все-таки прикрыть промахи и огрехи победными лаврами! Правительница и канцлер лихорадочно силились использовать оставшееся у них время.

Ошибки трагического похода отчасти учли. На притоке Днепра Самаре построили промежуточную базу, Новобогородицкую крепость, завозили туда запасы. Намечали собрать армию в 160 тыс. воинов при 400 орудиях. Но второй поход на Крым в 1689 г. снова обернулся бедой. Голицын проявил полную некомпетентность в военном деле, даже не позаботился разведать, насколько укреплены Крымские перешейки. Армия с боями все-таки добралась до Перекопа, но стало ясно – взять его не получится. Без толку повернули обратно. Потери составили 20 тыс. убитыми и умершими, 15 тыс. пропавшими без вести, при отступлении бросили 90 пушек.

А между тем, противостояние в столице обострялось. Царица Прасковья забеременела. Но и Нарышкины осознали опасность, сразу же отреагировали. Решили женить 16-летнего Петра. Невесту выбирала мать и остановилась на Евдокии Федоровне Лопухиной. Точнее, ее звали Прасковья Илларионовна, но имя и отчество не понравились царице Наталье. Мать Петра была женщиной властной, упрямой – настояла переменить имена не только невесте, но и ее отцу. Обычно Евдокию изображают наивной забитой девочкой. Но это неверно. Ей исполнилось уже 20 лет, она была на четыре года старше Петра. Выбирали такую жену, чтобы смогла обуздать увлечения мужа, взять его в свои руки. И чтобы гарантированно годилась для деторождения. Жениха наставили как следует потрудиться – и уже вскоре после свадьбы партия Нарышкиных бодро передавала друг другу: у Петра тоже будет потомство!

Провал второго крымского похода ускорил развязку. На праздник Казанской иконы Божьей Матери правительница решила возглавить крестный ход. Но в прежние времена икону всегда нес царь, и Петр бросил открытый вызов сестре. Прилюдно и громко заявил, что «она, как женщина, не может быть в том ходу без неприличия и позора». А когда из похода возвращалась армия, это ознаменовалось новой ссорой. Петр отказался участвовать в торжественной церемонии встречи.

О том, что в Москве назревает решающее столкновение, хорошо знали за рубежом. Кроме постоянных послов из Дании, Голландии, Польши, Бранденбурга, Швеции и Персии сюда потянулись другие дипломаты и шпионы. Прикатило посольство от германского императора, приехала польская делегация. Как раз тогда появился агент Людовика XIV де Невиль. А с Украины примчался в столицу Мазепа. В общем, клубок завязался еще тот.

Поляки, иезуиты и Невиль неоднократно навещали дом Голицына. Они встречались и с Мазепой, вели с ним тайные переговоры. Западных друзей канцлера очень интересовал такой вариант, чтобы Украина вернулась в состав Польши. Мазепа вполне соглашался, да и Голицын возражений не высказывал. С его точки зрения дело выглядело допустимым. Почему было не расплатиться Украиной за помощь в захвате престола?

Напряжение нагнеталось – и вдруг прорвалось. Супруга царя Ивана родила, но не мальчика, а девочку... Все планы перечеркнулись одним махом! Почва под ногами поползла. И тогда-то Шакловитый предложил пойти ва-банк. Просто убить Петра. А другого варианта удержать власть уже не оставалось! Правительница дала согласие. На новые сценарии фантазии уже не хватило, да и незачем было. Софья и ее любовник попробовали повторно разыграть подобию «хованщины».

Чтобы возбудить стрельцов, группа сторонников царевны во главе с Петром Толстым начала нападать на караулы. Хватала постовых, избивала, и при этом не забывала представиться, будто они – Нарышкины. А в ночь на 17 августа стрелецкие полки подняли по тревоге. Было объявлено, что на Москву идут «потешные» Петра, хотят захватить дворец и убить Софью. Собирались в Кремль, вроде бы защищать его. А в поднявшейся неразберихе отряд Шакловитого поскакал в Преображенское.

Однако и Нарышкины позаботились обзавестись надежными людьми среди стрельцов. Двое из них примчались к Петру раньше убийц, предупредили. Юный царь спросонья перепугался. Счел, что на него идут все стрельцы. У патриотической партии заранее был составлен план – в случае опасности двор Натальи и ее сына должен укрыться в Троице-Сергиевом монастыре. Петр как был, в ночной рубашке, прыгнул в седло и полетел туда. За ним быстро снялись с места приближенные, мать, слуги. Появился и Шакловитый с подручными, но застали лишь суету эвакуации. Опоздали...

В общем, ситуация и впрямь походила на «хованщину», но роли переменялись. Теперь за стенами монастыря засел Петр. Он принялся рассылать грамоты, призывая к себе войска. Аналогичные приказы рассылала Софья. И тут-то выяснилось, какая партия была в России более популярной. «Голосование» получилось очень наглядным, огульное реформаторство всех достало. В каждый полк приходило два противоположных распоряжения, но все они выступали не в Москву, а в Троице-Сергиев монастырь. Туда стали перетекать и воинские части, располагавшиеся в столице, потянулись бояре. Софья сникла, попросила о посредничестве патриарха. Иоаким поехал, но только для того, чтобы тоже остаться в монастыре.

Царевна и Шакловитый обратились к Ивану, предлагали: «да един он царствует». Но немощный царь совсем издергался, устал от безобразий вокруг него. Ответил, что готов уступить власть брату, «вы же все мятетесь». А Медведев нашел колдуна Ваську Иконникова. Он трепался, будто в его власти состоит сам сатана, и если ему дадут 5 тыс. рублей, он чудесным образом восстановит прежнее положение, как было до кризиса. Но это уж было совсем глупо. Денег не дали, и Медведев сбежал. Наступила агония прежней власти.

Софью заставили выдать Шакловитого, и расследование полностью изобличило заговор. Шакловитый с двумя ближайшими помощниками были приговорены к смерти, шестерых били кнутом и отправили в ссылку. За Голицына ходатайствовал двоюродный брат Борис, и он отделался относительно легко, пожизненной ссылкой в Холмогоры. В его доме нашли невероятное количество драгоценностей, украшений, 400 пудов одной лишь сереб-

ряной посуды, а в подвале под слоем земли открылись настоящие золотые россыпи – 100 тыс. червонцев, украденные у Самойловича и из украинской войсковой казны.

От Софьи Петр потребовал добровольного пострижения в монахини, она не ответила на письмо. Тогда ее без всяких разговоров заключили в Новодевичий монастырь. 10 сентября 1689 г. двор торжественно вернулся в Москву. Петр обнялся с Иваном, и старший брат безоговорочно уступил первенство младшему. Отслужили благодарственный молебен, и оба царя подписали указ «ни в каких делах правительницы больше не упоминать». Какие силы боролись между собой и что означали перемены для России, проявилось почти сразу.

Уже на следующий день первым же актом новой власти иезуитам было предписано покинуть страну. Было запрещено католическое богослужение. Шведам и полякам пресекли транзитную торговлю через русскую территорию. Медведев до границы не добрался, поймали. Следствие по его делу было долгим, его приговорили к смертной казни. И только Мазепа сумел вовремя ускользнуть, остаться в тени. Ни в каких общих предприятиях он не фигурировал. Ни в каких многочисленных совещаниях не засветился. Иезуиты по понятным причинам о контактах с ним не распространялись, да и Голицын счел за лучшее промолчать – иначе себе дороже. Гетман изображал из себя не политика, а простодушного и честного воина. Поздравил победившего Петра. Выразил готовность служить ему верой и правдой. И кто будет уточнять, какая вера имелаась в виду?

7. Под опекой патриарха и матери

Отстранив сестру, Петр наконец-то стал полноправным царем. Но... только формально! Он даже сейчас не получил реальной власти! Ему было 17 лет, и мать рассудила, что он слишком молодой, легкомысленный. Сама Наталья была в расцвете лет, ей еще не исполнилось сорока. Причем она давно завидовала Софье. Вон как вознеслась! Заправляла всем государством, решала все дела. А как красиво устроила собственную жизнь! Хотя Наталья по своим личным качествам далеко уступала свергнутой сопернице. Она была дамой довольно недалекой, не имела никаких навыков руководства.

Правда, государыню подпирала патриотическая партия, приведшая ее и сына к власти. Но правительство составилось разношерстное. Те, кто действительно боролся за выправление курса России, много сделал для победы Петра. Но были и такие, кто просто бывал на глазах у Натальи, кого она считала своими друзьями. Или подсуебившиеся в нужный момент заслужить ее расположение. В новое руководство страны вошел уцелевший брат Натальи Лев Нарышкин. Вошел Тихон Стрешнев – друг Алексея Михайловича, назначенный опекуном Петра и совершенно не оправдавший подобное доверие. Вошли очень способные государственные деятели Борис Голицын – двоюродный брат фаворита Софьи, Федор Ромодановский – глава Преображенского приказа, политического сыска страны. Вошли также бояре Урусов, Долгоруков, Троекуров, Прозоровский, Головкин.

Лидером правительства стал патриарх Иоаким. Это был искренний борец за Россию, за Православие. Бескомпромиссный, самоотверженный и очень жесткий. К сожалению, Иоаким был чрезвычайно склонен заикливаться на внешних признаках веры. В 1677 г., в правление Федора Алексеевича, он дошел даже до того, что добился деканонизации св. Анны Кашинской – только из-за того, что на ее мощах рука была сложена двумя перстами. Указал, что она не может быть святой, если персты сложены по-раскольничьи.

Теперь Иоаким рьяно принялся искоренять западные влияния. Указ Федора, возбранявший государственным служащим ношение «старорусского» платья, был отменен. Придворные сразу отреагировали. Доставали из сундуков наряды времен Алексея Михайловича. У кого не сохранилось, шили новые. С верхушки общества брали пример остальные дворяне, купцы, чиновники. Польские фасоны исчезли. По стране всплеснула мода «под старину» – на долгополые кафтаны, однорядки, сарафаны.

А уж царя патриарх крепко взял в оборот. Требовал, чтобы он прекратил курить, брить бороду. Иоаким начал регулировать весь распорядок жизни Петра. В русском платье, чинно и солидно, ему сейчас приходилось отсиживать на официальных приемах, на заседаниях Боярской Думы, участвовать в церковных праздниках, шествиях. Патриарх начал строго контролировать и личную жизнь царя. Пресек его поездки в Немецкую слободу, пирушки, праздные развлечения. Настаивал, чтобы он проводил свободное время в семье.

Евдокия как раз была беременной, капризничала. Почувствовав поддержку Иоакима, она ободрилась. Попыталась вообще руководить мужем чуть ли не по-матерински, наставлять и перевоспитывать. Ведь именно это имела в виду мать, выбрав для Петра старшую по возрасту жену. Хотя такой выбор обернулся трагической ошибкой. Противоречить патриарху для юного царя было проблематично. Но когда его начинала строгать неумная самоуверенная баба, не выдерживал, взрывался. Она закатывала истерики, жаловалась Иоакиму и Наталье. Словом, нагнеталась такая атмосфера, что не позавидуешь.

Увы, строгая «узда» регламентации и контроля, на которую посадили Петра осенью 1689 г., отнюдь не заменила настоящей подготовки к царствованию. Иоаким считал – будет заседать с боярами и архиереями, вот и втянется, постепенно освоит тонкости политических и хозяйственных хитросплетений. А дела навалились многочисленные и сложнейшие.

К тому моменту, когда патриарху и Наталье с Петром удалось вернуть себя власть, состояние России оказалось далеко не лучшим.

Казна была истощена. О налоговых послаблениях давно забыли. Три года подряд на войну собирался чрезвычайный налог, «десятая деньга» – это означало не 10 % доходов, а десятую часть всего имущества. По хозяйству крестьян чрезвычайные поборы ударили очень больно, они разорялись. Но деньги, добытые такой ценой, растекались не пойми куда. Военные расходы и бессмысленные выплаты «компенсаций» Польше дополнялись диким воровством на всех уровнях. Крайне болезненно отзывалось и массовое закрепощение крестьян, раздачи Софьей десятков тысяч крестьянских дворов. Вчерашние свободные земледельцы не желали превращаться в чьих-то крепостных, разбегались.

А бедственное состояние армии Крымские походы усугубили. Было потеряно много оружия, снаряжения. После катастрофических авантур во множестве дезертировали солдаты, стрельцы, тем более что жалование им по-прежнему не платилось. Ну а политические передраги серьезно проредили командные кадры. В крови «хованщины» погибли герои прошлых войн Григорий Ромодановский, Юрий Долгоруков с сыновьями, были перебиты или изгнаны лучшие стрелецкие начальники. Другие талантливые командиры предпочли пристроиться к Голицыну – генералы Неплюев, Змеев, Косагов, Кравков. Но падение временщика обернулось ссылками и для них. По сути, сохраняли боеспособность только полки Тамбовского и Белгородского разрядов (округов). Они прикрывали южную границу. Здесь постоянно сохранялась угроза татарских налетов. Поэтому в любом случае приходилось бдительно нести службу.

Но развал армии, экономики, финансов оказывались еще не самыми опасными явлениями. К концу XVII в. Россию охватил духовный разброд. Борьба с расколом не утихала. Наоборот, при Софье она активизировалась. После того, как Хованский попытался раздуть «старообрядческую революцию», царевна оценила раскол как реальную угрозу для государства. Развернулись целенаправленные меры его по искоренению. Воеводам было велено по заявкам епископов выделять войска для поиска и разорения скитов. Местные власти должны были строго следить за посещаемостью церкви. Тех, кто пропускает богослужения, требовалось задерживать для допросов. По подозрению в расколе – применять пытки. Для расколуучителей предусматривалась смертная казнь. Для рядовых раскольников – кнут, ссылки. И даже за их укрывательство полагалась ссылка с конфискацией имущества.

Но ничего не помогало! Старообрядцев вылавливали, во множестве ссылали в Сибирь, на Урал, в глухие районы Севера и Поволжья. Другие раскольники разбегались от арестов. Однако тем самым плодились и размножались новые секты. На Дону и на Тамбовщине возникли крупные центры, принимавшие всех недовольных – беглых, бродяг, дезертиров. Рассылались призывы «замутить» страну, для этого предводители раскольников вели переговоры с ногайцами, татарами, калмыками. Против них пришлось вести настоящую войну. Организовывались специальные походы, скиты осаждали, брали жестокими штурмами. В обстановке общего духовного раздора расплодились всевозможные кликуши, «пророки», лжежуродивые – они бродили по селам и городам, проповедовали вообще не пойми что.

Русское духовенство оказалось не готово противодействовать этим бурям. Большинство рядовых священников не имело никакого специального образования. Обычно бывало так, что отец-священник сам готовил сына, его везли в епархию для рукоположения. Там его должны были экзаменовать, готов ли он? Но ведь в епархиях служили такие же священники, частенько некомпетентные. В конце концов, вопрос о поставлении можно было решить за мзду. А на повседневную деятельность духовенства накладывалась еще одна особенность – в России было принято, что священника избирал и содержал приход. Если не нравится, могли выгнать. Поэтому священнослужители старались не портить отношений с паствой.

Не быть слишком строгими и придирчивыми. Даже если кто-то не ходит в храм, а кто-то склоняется к ереси, стоит ли поднимать шум и создавать себе лишние проблемы?

Другую категорию священнослужителей добавила присоединенная Малороссия. Здесь обычаи были другими. На протяжении нескольких веков местному духовенству приходилось выдерживать атаки католических и протестантских проповедников. Чтобы выстоять, большое внимание уделялось образованию. Функционировала Киево-Могилянская академия, в крупных городах – школы православных братств. Но подобная специфика и требования к священникам вызвали обратный перекося. Образованию стали придавать определяющую роль, ради этого жертвовали духовной принципиальностью.

Нередкой была практика, когда священнослужители или студенты ехали поступать в европейские университеты – хотя для этого они перекидывались в католицизм. Потом приносили покаяние, и украинские иерархи считали подобное вероотступничество оправданным. Легко отпускали грех, ставили образованных священников на ответственные посты. В Россию их приглашали учителями, консультантами. Хотя за границей они нередко заражались католическими или протестантскими влияниями. Из их среды иезуиты вербовали агентов. А когда возвысились Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев, на их сторону потянулась часть московского духовенства. Рассчитала, что у них сила, за ними будущее. Пора пристраиваться. Эти иерархи без разбора принимали все новшества, католические трактовки богословских вопросов, элементы латинских обрядов. Если так поучают придворные авторитеты – им виднее.

Активность проявляли не только папа римский и иезуиты. По Европе растекались слухи, что православие рушится. В надежде половить рыбку в мутной воде появлялись проповедники, вплоть до самых экзотических. Так, из Германии приехал Квирин Кульман – он пытался вообще создать новую религию. Поучал, что христианство должно объединиться с иудаизмом и исламом, и наступит «иезуитское царство», в котором люди будут жить, как в раю. И именно для этого пришел в мир он, Кульман – сам себя он величал «Сыном Сына Божьего». Устроившись на Кукуе, взялся набирать последователей.

Подавляющая часть русского духовенства поддерживала патриотическую партию, старалась отстаивать чистоту православия. Но... в богословских вопросах оно плохо разбиралось. А само православие сводило к формальному соблюдению обычаев и обрядов. Соблюдению праздников, постов. Похристосоваться на Пасху, окунуться в Иордани, пройти крестным ходом, помянуть родных, приложиться к святым иконам (и обязательно «правильно» приложиться). По внешним признакам оценивались и ереси. Позволительно брить бороды или нет? Позволительно ли носить иноземную одежду? Сколькими перстами креститься? Признавать ли украинских священников или всех скопом объявить еретиками? Но за ожесточенными спорами о формальных обычаях терялась сама духовная суть!

Еще в 1650 г. царь Алексей Михайлович озабоченно писал, что «в городах и селах и деревнях христиане живут без отцов духовных, многие и помирают без покаяния, а о том нимало не радуют, чтобы им исповедать грехи своя и Телу и Крови Господней причащаются». Ко временам Петра положение ничуть не улучшилось, а ухудшилось. Современник, И.Т. Посошков, свидетельствовал: «Не состаревся, деревенские мужики на исповедь не хаживали; и тако инии, не дожив до старости, и умирали». Св. Дмитрий Ростовский ужасался, что не только простолюдины, но и «иерейские жены и дети мнозе никогдаже причащаются... иерейские сыны приходят ставиться на места отцов своих, которых егда спрашиваем: давно ли причащались? Мнози поистине сказуют, яко не помнят, когда причащались».

В свое время выправить ситуацию старался патриарх Никон. Отстранял неподготовленных священников, ссылая пьяниц и недостойных. Но он откровенно перегнул палку. Требовал, чтобы каждый православный бывал в церкви ежедневно не менее четырех часов. А патриаршее служение попытался поставить выше царского – за что и был низложен, и его

начинания по наведению порядка в церкви пошли прахом. Все вернулось на круги своя, было пущено на самотек. Иоаким достиг такого же могущества, как когда-то Никон. Почти неограниченно распоряжался в государстве, диктовал волю самому царю. Он нацелился на самую решительную борьбу по духовному оздоровлению страны. Ереси взялся искоренять суровевшим образом.

Квирину Кульману так и не удалось развернуться в полную силу и стать основателем новой конфессии. Его выдали сами кукуйские немцы, в октябре 1689 г. он был осужден за ересь и богохульство и сожжен вместе с хозяином дома, давшим пристанище его секте. Патриарх разгромил и партию «латинствующих» в православии. В декабре созвал Освященный Собор, разобравший работы Симеона Полоцкого, Медведева и примкнувших к ним автором. Они были осуждены как еретические.

Но после этого Иоаким нацелился искоренить и бритье бород. Доказывал, что удаление бороды – тоже ересь, за такой проступок надо отлучать от церкви. По поручению патриарха его сотрудники штудировали Священное Писание, решения Вселенских и русских Соборов, труды признанных православных теоретиков, церковное законодательство. Собирали подтверждения установок патриарха. Готовили материалы для предстоящего Освященного Собора и соответствующие постановления. Иоаким успел еще порадоваться утверждению династии. Его наставления Петру о налаживании семейной жизни, вроде бы, принесли плоды – в феврале 1690 г. царица Евдокия родила сына Алексея. Но больше патриарх не сумел сделать ничего. Он заболел и в марте преставился...

Вот тут-то и выяснилось – попытки переделать Петра не принесли ничего хорошего. Терпеть поучения со стороны жены и домашние скандалы он больше не стал. Едва не стало патриарха, он будто с цепи сорвался. Снова исчез у друзей, у Лефорта, у Анны Монс, и дома почти не появлялся. Оттягивался за полгода воздержания, проросшую бороду немедленно сбрил. А мать без Иоакима не могла с ним сладить. Да и не до того было. На неопытную Наталью нахлынуло столько проблем!

Покойному патриарху требовалось найти преемника, и на его пост выдвинулись две кандидатуры, митрополиты Маркел и Адриан. Хотя Маркел в свое время был близок к Софье и Голицыну, поддерживал Сильвестра Медведева. Духовенство говорило, что при нем католикам станет лучше, чем православным. Большинство иерархов добилось избрания Адриана. Но и он оказался кандидатурой далеко не лучшей. Нерешительный, скромный, он всегда привык держаться в тени. Никакого образования не имел, политических вопросов никогда не касался. Внешним признакам веры он придавал такое же значение, как покойный Иоаким, но ему было далеко до иоакимовского кругозора, авторитета, воли.

Брадобритие и ношение чужеземной одежды он осуждал. Однако кампанию по подготовке Собора свернул – уже стало ясно, что предстояло бы идти против желаний царя. Поэтому Иоаким ограничился куда более мягкими мерами: увещеваниями, внушениями, наставлениями. Но там, где он считал себя достаточно сильным и компетентным, наломал дров: по наветам греческого патриарха Досифея отстранил братьев Лихудов от руководства Славяно-греко-латинской академии. Без них самый мощный центр отечественного образования стал разваливаться. А ведь академия предназначалась в первую очередь для подготовки квалифицированных кадров духовенства.

Ну а Наталья без Иоакима чувствовала себя крайне неуверенно. Государыня выбрала основной принцип – не навредить. Взвешивала каждый свой шаг, чтобы не наделать глупостей. Чтобы не напортить будущее царствование Петру. Чтобы не было вреда государству, церкви, боярским группировкам, народу. Земские выборные органы в уездах она восстановила, возвратила им утраченные права. Но борьбу со старообрядцами Наталья свернула. Рассудила, что гонения на них вызывают ответное озлобление, а это опасно – «старая вера» может стать знаменем для мятежей. Вот и пришла к выводу: если раскольники не будут зате-

вать смут, пускай крестятся и молятся как хотят. Законы против них не отменяла. Но прекратила карательные экспедиции, судебные дела, смягчала наказания.

Впрочем, принцип «не навредить» все равно не срабатывал, тут уж не помогала никакая осторожность. Если раньше хищничали клеветы Софьи и Голицына, то сейчас аналогичным образом полезли к кормушкам сторонники Нарышкиных. Делились имения, конфискованные у поверженных противников. Особо приближенных правительница награждала казенной собственностью. Для проверки своих помощников и ставленников у Натальи руки не доходили. Да она и не задумывалась, зачем контролировать «друзей»? Князь Куракин писал, что при ней развилось «мздоимство великое и кража государственная», «судейские неправды». Вельможи кичились богатствами, по-прежнему строили дома один роскошнее другого. В эти годы появился новый архитектурный стиль, его называли «нарышкинским барокко»: здания покрывали чрезвычайно пышной отделкой, резными и лепными украшениями, колоннадами, статуями.

Кроме лихоимцев, возвышались и просто некомпетентные сановники. Например, брат Натальи Лев Нарышкин был человеком вообще не корыстолюбивым, не злопамятным, щедрым, добрым. Он никогда и ни с кем не сводил личных счетов, всегда был готов помочь нуждающимся, даже совершенно посторонним и случайным. Но правительница широким жестом подарила брату восемь казенных металлургических заводов. А Лев никогда не разбирался в промышленных делах, не интересовался своими предприятиями, и заводы стали приходить в упадок.

Петра в Кремле видели редко. Он бывал только на официальных приемах, да и то не всегда – попытки Иоакима «приручить» его выработали у царя стойкую неприязнь к долгим и чинным церемониям. Ко всему прочему, он старался пореже бывать дома. Пропадал то в Немецкой слободе, то в Преображенском, занимался излюбленными «марсовыми потехами». Сейчас-то для них открылись куда более широкие возможности. Раньше в распоряжении царя были только преображенцы с семеновцами, а сейчас он мог привлечь другие части. Осенью 1690 г. он устроил маневры, выпустив своих «потешных» против стрелецкого полка. Но мать не особо огорчалась. Считала – когда повзрослеет, переберется, образумится. Махнула на сына рукой.

Но некоторые сановники хорошо понимали, что правление матери – только временный этап. Настоящее-то царствование впереди. А если хочешь держаться у руля государства, надо сближаться с Петром. Вокруг государя появились не только сверстники и иностранцы, но и солидные аристократы, бояре. Они не стеснялись подстраиваться к увлечениям государя, к его буйным хмельным забавам. Очередные царские маневры в 1691 г. стали куда более масштабными, чем предшествующие. Участвовали солдатские, драгунские, рейтарские, стрелецкие полки. Войска разделили на две армии под командой «генералиссимусов». Ими стали глава грозного Преображенского приказа Федор Ромодановский и боярин Иван Бутурлин. Перед боем «генералиссимусы» разыграли шутовскую перебранку между собой. А завершилась баталия грандиозной пьянкой.

Но в следующем году «марсовы» потехи сменились «нептуновыми». Двадцатилетнего царя охватило новое увлечение. Он уехал в Переславль. На Плещеевом озере занялся строительством потешной флотилии. Спуск судов на воду и их маневры тоже сопровождалось пирами и увеселениями. Для Петра подобная жизнь оказывалась куда интереснее заседаний Боярской Думы, истерик жены, нравоучений патриарха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.